ИДЕАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ
ЛИЗА ГАРДНЕР
ТРЕТЬЯ ЖЕРТВА
Продано 22 000 000 книг
POLICE
Главная героиня романа бесподобна: умная, сильная, целеустремленная, но в то же время такая тонкая и ранимая...
Women of the World

Лиза Гарднер

Третья жертва

Серия «Куинси и Рейни», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12628699
Третья жертва : Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-83230-9

Аннотация

Рейни Коннер служила в полиции Бейкерсвиля довольно давно и ни разу не сталкивалась с преступлением серьезнее, чем пьяная драка в баре или кража велосипеда. И тут – стрельба в школе! И огонь открыл не кто-нибудь, а Дэнни – сын местного шерифа, ее начальника! Расследование автоматически возглавила Рейни. Сначала вопросов у нее не возникло – преступник был схвачен, что называется, с поличным. Но, изучив все улики, она пришла к неожиданному выводу: помимо подозреваемого парнишки стрельбу вел кто-то еще. И выбор жертв показался ей весьма странным: кроме двух девочек от точного выстрела в лоб погибла учительница информатики – единственная, с кем у Дэнни в школе были отличные отношения. И эта третья жертва заставила Рейни припомнить свое давнее прошлое. Которое она не хотела бы вспоминать никогда…

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 19
Глава 4 24
Глава 5 29
Глава 6 32
Глава 7 38
Глава 8 44
Глава 9 51
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Лиза Гарднер
Третья жертва

Lisa Gardner
The Third Victim
Copyright © 2001 by Lisa Baumgartner
© Самуйлов С. Н., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“», 2015
Фото автора на переплете © Philbrick Photography

Глава 1

Вторник, 15 мая, 13:25

Первый звонок застал Лоррейн Коннер, или попросту Рейни, в закусочной «У Марты», где она сидела в красной кабинке, вяло ковыряя салат с тунцом и слушая последние новости от Дага и Фрэнка. Одиночество и салат объяснялись тем, что ей исполнился тридцать один год и она вдруг стала замечать, что фунты не исчезают волшебным образом, как в двадцать один или даже, черт возьми, в двадцать семь. Она все еще пробегала милю за шесть минут и влезала в восьмой размер, но тридцать один фундаментально отличался от тридцати. Ей требовалось больше времени на укладку длинных каштановых волос так, чтобы они, как раньше, заставляли мужчин обернуться. И на ленч она брала уже не чизбургер, а салат с тунцом – пять раз в неделю.

Напарником Рейни был в тот день двадцатиоднолетний полицейский-доброволец Чарльз Каннингэм, он же Чаки. В крохотном отделе полиции Бейкерсвиля, штат Орегон, Чаки называли зеленым новичком. Он даже не прошел девятимесячные подготовительные курсы в полицейской школе. Это означало, что ему дозволялось смотреть, но не трогать. Чтобы стать полноправным полицейским, Чаки надлежало закончить курсы и получить соответствующее свидетельство. Пока что он набирался опыта – ходил в патрулирование и писал отчеты. Ему также разрешалось носить стандартную форму и оружие. Чаки был совершенно счастлив.

До звонка он сидел у стойки – выпятив грудь, согнув в колене ногу и положив руку на пистолет – и испытывал свои чары на длинноногой блондинке-официантке по имени Синди. Та, со своей стороны, старалась обслужить сразу шестерых фермеров, заказавших домашний пирог Марты с черникой. Один из них, сварливый старикан, уже посоветовал Чаки убраться и не мешать. Тот лишь добавил обаяния.

В кабинке позади Рейни два пенсионера, Даг Аткинс и Фрэнк Уинслоу, взялись делать ставки.

– Десятку на то, что она не устоит, – объявил Дуглас, бросая на розовый столик из формайки мятую бумажку.

– Двадцатку на то, что она охладит пыл нашего Ромео стаканом ледяной воды на голову, – ответил Фрэнк, доставая бумажник. – Я точно знаю, что для Синди хорошие чаевые дороже руки и сердца Кларка Гейбла[1].

Отодвинув салат, Рейни повернулась к двум приятелям. День тянулся медленно, и ничего лучшего, чтобы как-то убить время, она не придумала.

– Я с вами.

– Привет, Рейни.

Фрэнк и Даг, друзья с пятидесятилетним стажем, улыбнулись ей дуэтом. Фрэнк мог похвастать ясными голубыми глазами на прокаленном солнцем лице, зато Даг умудрился сохранить больше волос. Оба были в красных клетчатых рубашках с жемчужными кнопками, которые надевали исключительно для выхода в город. Зимой этот наряд дополнялся коричневыми замшевыми блейзерами и ковбойскими шляпами кремового цвета. Рейни как-то обвинила их в попытке спародировать Ковбоя Мальборо с пачки сигарет – старики сочли это за комплимент.

– Скучный денек, а? – спросил Даг.

– Весь месяц такой. Май. Жарко. Народ слишком доволен для того, чтобы драться.

[1] Кларк Гейбл (1901–1960) – знаменитый американский актер, один из секс-символов своего поколения.

– И никаких домашних разборок?

– Никто даже не выясняет, чей пес нагадил в чьем саду. Если хорошая погода простоит еще немного, я останусь без работы.

– Такой красавице, как ты, работа и не нужна, – сказал Фрэнк. – Тебе мужчина нужен.

– Да, на тридцать секунд. А потом?

Друзья фыркнули. Рейни им подмигнула. Ей нравились Фрэнк и Даг. Сколько она себя помнила, они всегда появлялись здесь, в закусочной, ровно в час дня, каждый вторник. Вставало и садилось солнце – и с таким же постоянством Фрэнк и Даг заказывали у Марты фирменный мясной пирог. Вот так.

Рейни поставила десятку на Чаки. Ей и раньше случалось наблюдать юного Дон Жуана в действии; к тому же бейкерсвильские дамочки просто обожали его улыбку и ямочки на щеках.

– Так что думаешь о новом добровольце? – спросил Даг, кивая головой в сторону стойки.

– А что тут думать? Выписывать штрафные талоны – это не на головном мозге оперировать.

– Слышал, у вас на прошлой неделе небольшая размолвка вышла с какой-то немецкой овчаркой, – заметил Фрэнк.

– Бешенство, – поморщилась Рейни. – Жаль, собака-то хорошая.

– Так она и вправду набросилась на Ромео?

– Всеми девяноста фунтами.

– Говорят, Чаки чуть штаны не намочил.

– Думаю, ему просто собаки не нравятся.

– Уолт сказал, овчарку ты пристрелила. Прямо в голову пальнула.

– Мне за то и платят большие деньги – чтобы пьяных уговаривала да домашних любимцев расстреливала.

– Перестань, Рейни. Уолт сказал, ты ее круто уложила. Эта овчарка, она ж на месте не стояла. Так Чаки теперь у тебя в долгу?

Рейни бросила взгляд на напарника, все еще распускавшего перья у стойки.

– Думаю, Чаки теперь до смерти меня боится.

Фрэнк и Даг расхохотались. Потом Фрэнк наклонился вперед, и в его голубых стариковских глазах блеснул огонек заядлого рыбака, нацелившегося на крупную рыбу.

– Шепу сейчас помощь лишней не будет, – сказал он со значением.

Рейни оценила наживку и покупаться не стала.

– Ни один шериф не станет отказываться от желающих поработать бесплатно, – ответила она нейтрально.

И это было так. Скромный бюджет Бейкерсвиля позволял иметь только одну полную ставку шерифа и две – рядовых полицейских. Две последние занимали Рейни и Люк Хейз. Шестеро других патрульных были волонтерами. Они не только тратили свое время бесплатно, но и сами оплачивали обучение, форму, бронежилеты и оружие. Такая система действует во многих маленьких городах. В конце концов, большинство вызовов связаны с домашними конфликтами и преступлениями против собственности. Ничего такого, с чем не могли бы справиться спокойные и рассудительные люди.

– Я слышал, Шеп на месте нечасто бывает, – закинул удочку Даг.

– Не знаю. Я учет не веду.

– Да ладно, Рейни. Все же знают, что у Шепа и Сэнди сейчас проблемы. Так он что, замириться старается? У жены работа, вот он под нее и подстраивается?

– Мое дело, Фрэнк, регистрировать происшествия, а не шпионить за налогоплательщиками.

– Да ты хотя бы намекни. Знаешь, мы сейчас в парикмахерскую идем. И если свежих новостей подбросим, так Уолт с нас и денег не возьмет.

Рейни закатила глаза.

– Уолт и так знает больше меня. Мы, по-вашему, к кому за информацией обращаемся?

– Да, Уолт знает все, – проворчал Фрэнк. – Может, и нам стоит парикмахерскую открыть… Уж стричь-то большого ума не надо.

Рейни посмотрела на их руки, мозолистые, заскорузлые, с распухшими от артрита пальцами.

– Я бы к вам пошла, – смело заявила она.

– Видишь, Даг. Мы еще могли бы и цыпочек снимать.

Дагу такая перспектива пришлась по душе, но когда он всерьез заговорил о перспективах, Рейни решила, что ей пора уходить со сцены. Одарив стариков прощальной улыбкой, она отвернулась и посмотрела на часы. 13:30. Никаких звонков с самого утра, даже в рапорте записать нечего. Даже для их мирного городка день выдался необыкновенно тихим. Женщина взглянула на Чаки – у того, должно быть, уже щеки болели от улыбки.

– Сворачивайся, шустряк, – проворчала она, нетерпеливо барабаня пальцами по столу.

В отличие от Чарли Каннингэма, Рейни не планировала становиться копом. Первой ее мыслью по окончании бейкерсвильской средней школы было убраться куда подальше из этой молочной страны. За спиной у нее были восемнадцать лет постоянно нараставшей клаустрофобии и никаких родственников, которые держали бы ее здесь. Ей позарез была нужна свобода. И никаких призраков – так она думала.

Рейни села в первый же автобус до Портленда, где записалась в местный университет и стала изучать психологию. Ей нравилось учиться. Нравился молодой город с его кулинарными школами, художественными институтами и «альтернативными стилями жизни». У нее случился головокружительный роман с тридцатичетырехлетним помощником окружного прокурора, разъезжавшим на «Порше».

Ночь… Ты берешь в руки руль могучей машины и опускаешь стекла. Вжимаешь в пол педаль газа и мчишься, срезая острые углы на Скайлайн-бульвар. Ветер в волосах… Ты взбираешься все выше и выше, давишь все сильнее, сильнее, сильнее. Ты ищешь… чего-то.

Они вылетали на самый верх, и перед ними открывался весь раскинувшийся звездным одеялом город. Они сбрасывали одежды и трахались по-сумасшедшему между сиденьями и рычагами.

Потом Хоуи отвозил ее домой, и она в одиночку открывала блок пива, хотя и знала получше многих, чем это кончается…

На поясе затрещала, оживая, рация. Наконец-то хоть что-то, с облегчением подумала Рейни.

– Один-пять, один-пять. Вызываю один-пять.

– Один-пять слушает, – ответила Рейни, уже выскальзывая из кабинки. – Что у вас?

– Сообщение о происшествии в восьмилетней школе. Подождите… секунду…

Она нахмурилась. На заднем плане слышался какой-то шум – то ли диспетчер подняла рацию слишком высоко, то ли трубка лежала рядом с приемником. До Рейни доносился треск статических разрядов и крики. Потом четыре четких и ясных хлопка. Выстрелы…

Какого еще черта?

Она шагнула к Чаки, развернула его к себе и снова услышала диспетчера. Впервые за восемь лет в голосе Линды Эймс не слышалось привычного самообладания.

– Всем нарядам, всем нарядам. Сообщение о стрельбе в бейкерсвильской восьмилетней школе. Говорят там… кровь… кровь в коридоре. Вызываю шесть-ноль… шесть-ноль… Уолт, присылай «Скорую»! Оставляю для связи третий канал. Похоже, стреляют в школе… Господи, у нас стрельба в школе!

Рейни уже вытащила Чаки из закусочной. Вид у него был бледный и растерянный. Она ждала от себя каких-то эмоций, но так ничего и не почувствовала. Только в ушах звенело. Не обращая внимания на эту мелочь, Рейни втиснулась в старенький полицейский седан, пристегнулась и привычно включила сирену.

– Ничего не понимаю, – бормотал Чаки. – Какая стрельба в школе? У нас в школе не стреляют.

– Держи радио на третьем канале. Это выделенный канал, и вся информация будет поступать по нему. – Рейни переключила передачу и выехала со стоянки.

Они находились на Мейн-стрит, в пятнадцати минутах от бейкерсвильской восьмилетней школы, Рейни знала, что за четверть часа случиться может много чего.

– Такого не может быть, чтобы у нас в школе стреляли, – гнул свое Чаки. – Черт, да у нас и банд никаких нет. И наркотиков. И убийств, если уж на то пошло. Должно быть, диспетчер что-то напутала.

– Да, – спокойно сказала Рейни, хотя звон в ушах становился все громче. В последний раз она слышала этот звон много лет назад. Когда, еще маленькой девочкой, вернулась из школы домой и, едва ступив за порог, поняла – вот по этому упреждающему звону в ушах, – что мать напилась и что все будет плохо.

Теперь ты коп. И ты – главная.

Ей вдруг отчаянно захотелось пива.

Радио снова затрещало. Рейни только что проскочила первый светофор на Мейн-стрит, когда до нее донесся голос шерифа Шепа О'Грейди.

– Один-пять, один-пять, вы где сейчас?

– В двенадцати минутах от школы, – доложила Рейни, объезжая остановившуюся во втором ряду машину и с трудом уходя от встречной.

– Один-пять, перейдите на четвертый канал.

Рейни бросила взгляд на Чаки – напарник переключился на частный канал. Голос Шепа тут же вернулся, но спокойствия в нем как не бывало.

– Рейни, тебе нужно добраться туда как можно быстрее.

– Мы были в закусочной «У Марты». Гоню как могу. Ты где?

– Мне еще шесть минут. Слишком далеко. Линда уже оповестила остальных, но им еще нужно забежать домой за бронежилетами и оружием. Парни из полиции округа будут минут через двадцать, а из штата – через тридцать-сорок. Если случай действительно тяжелый… – Он не договорил, потом вдруг добавил: – Рейни, ты будешь главная.

– Я не могу. У меня и опыта-то никакого нет. – Рейни взглянула на Чаки – тот тоже выглядел озадаченным. В любом деле главный всегда шериф. Такова процедура.

– Опыта у тебя больше, чем у кого-либо еще, – сказал Шеп.

– Моя мать не в счет.

– Послушай, я не в курсе, что именно происходит в школе, но если там действительно стреляют… Рейни, в школе мои ребята. Я не могу не думать о детях.

Рейни промолчала. Проработав с Шепом восемь лет, она знала двух его детей так же хорошо, как другие знают любимых племянников и племянниц. Восьмилетняя Бекки была страстной лошадницей. Тринадцатилетний Дэнни частенько проводил свободное время в полицейском участке. Однажды Рейни дала мальчику пластмассовую звезду шерифа. Он носил ее почти полгода, а когда Рейни приходила на обед, всегда требовал, чтобы ему разрешили сидеть рядом с ней. Отличные ребята. И теперь они в школьном здании вместе с двумястами пятьюдесятью другими отличными ребятами. Старше четырнадцати там никого нет.

Нет, только не в Бейкерсвиле. Чаки прав. В Бейкерсвиле ничего такого произойти не может.

– Ладно, я – главная, – негромко сказала Рейни.

– Спасибо. Всегда знал, что могу рассчитывать на тебя.

Радио отключилось. Рейни выскочила на еще один красный свет и поневоле ударила по тормозам. К счастью, ее заметили, и машины сразу же остановились. Мельком она отметила тревожные, озабоченные лица водителей. Полицейские сирены на Мейн-стрит? Здесь никогда не слышали сирен на Мейн-стрит. До места оставалось еще добрых десять минут, и Рейни всерьез начала опасаться, что может не успеть, приехать, когда будет слишком поздно.

Двести пятьдесят детей…

– Переключись снова на третий, – сказала она Чаки. – Пусть санитары остаются на месте.

– Но в сообщении говорилось о крови…

– Медики допускаются на место преступления только после того, как будет установлено, что там безопасно. Таково правило.

Напарник сделал, как ему было велено.

– Свяжись с диспетчером. Нам нужна полная поддержка. Думаю, в полиции округа и штата уже в курсе дела, и я не хочу путаницы и суматохи – нам нужна любая помощь, какая только есть. – Она помолчала, припоминая, что им говорили на занятиях восьмилетней давности в душной классной комнате в Салеме, штат Орегон, где она была единственной женщиной среди тридцати мужчин. Полномасштабная мобилизация. Порядок действий на случай большого числа жертв. Тогда это все выглядело странным.

– Пусть местные больницы будут наготове, – добавила она. – Скажи медикам, чтобы связались с местным банком крови на случай, если понадобится пополнить запасы. И пусть Линда запросит поддержку спецназа. И, да, надо предупредить криминалистов – пусть будут наготове. На всякий случай.

Диспетчер вышла на связь еще раньше, чем Чаки успел поднять рацию и выполнить полученные указания. Голос Линды звучал непривычно пронзительно:

– Нам сообщают, что там все еще слышны выстрелы. Информации о стрелке нет. Информации о жертвах нет. Есть сообщения о каком-то мужчине в черном. Стрелок до сих пор может быть на месте. Будьте осторожны. Пожалуйста, пожалуйста, будьте осторожны.

– Мужчина в черном? – Чак как-то вдруг сразу охрип. – Я думал, это кто-то из учеников. Обычно они стреляют…

Рейни вырвалась наконец на шоссе на краю города и добавила газу до восьмидесяти миль в час. Теперь они ехали прямо к цели, до которой оставалось семь минут. Чак передавал распоряжения.

Рейни вспоминала другие подобные случаи в школах, о которых рассказывали в новостях. Но ведь там совсем другое дело. Отсюда, из Бейкерсвиля, даже Спрингфилд казался совсем далеким. И потом, Спрингфилд ведь город, а в городах, как всем известно, свои проблемы. Поэтому люди и перебираются в Бейкерсвиль. Туда, где ничего плохого просто не может случиться.

Но ведь ты-то знаешь, что это не так, а, Рейни? Уж ты-то должна знать…

Чак закончил, и теперь его губы шевелились в молчаливой молитве. Рейни отвернулась.

– Я уже еду, – прошептала она детям, чьи лица стояли перед ее мысленным взором. – Я мчусь к вам изо всех сил.

Во вторник, во второй половине дня, Сэнди О'Грейди попыталась бросить все силы на составление отчетов по исследованиям рынка. Ничего не получалось. Сидя в тесном угловом офисе – бывшей спальне перестроенного викторианского дома, – она чаще смотрела в окно, чем на стопку отчетов, высившихся на ее видавшем виды дубовом столе.

День выдался чудесный, на небе ни облачка. Редкий случай в штате, где дождь идет так часто, что местные жители называют его жидким солнцем. И температура вполне подходящая. Не так холодно, как могло бы быть в это время года, но и не так тепло, чтобы в город потянулись надоедливые туристы.

Идеальный день для всех жителей Бейкерсвиля, переживших немало других дней – дождливых осенних, морозных зимних, с оползнями, из-за которых иногда перекрывался проезд через горные перевалы, и весенней распутицей, угрожавшей уничтожить плодородные поля. Один хороший день на сотню, как иронически заметил бы отец. Но он же первым сказал бы, что и этого вполне достаточно.

Сэнди жила в Бейкерсвиле всю свою жизнь, и на земле не было другого места, где она хотела бы поднимать семью, растить детей. Уютно расположенная между Орегонским береговым хребтом на востоке и Тихим океаном на западе, долина могла похвастать невысокими зелеными холмами, усеянными черно-белыми пятнышками голштинских коров, и окружающими ее высокими лесистыми горами. Молочных буренок здесь было вдвое больше, чем людей. Семейная ферма сохранилась как форма и образ жизни. Все знали всех и принимали участие в жизни соседей. Здесь были и пляжи для летнего веселья, и пешеходные тропы для неспешных осенних прогулок. На обед можно было получить свежевыловленного краба и чашку только что собранной земляники с шапкой свежих сливок. Неплохая жизнь.

Единственным, на что могла бы пожаловаться Сэнди, оставалась погода. Бесконечные серые зимы и густой, как суп, туман действовали на некоторых удручающе. Впрочем, ей самой даже нравились эти серые туманные утра, когда горы едва выглядывали из-за укрывавших их пушистых пелерин и мир обволакивала тишина.

В первое время после свадьбы они с Шепом часто гуляли по утрам, до его работы. Надевали куртки, черные резиновые сапоги и шли через мокрые от росы поля, чувствуя нежное, шелковистое прикосновение тумана к щекам. Однажды, когда Сэнди была на четвертом месяце беременности и гормоны вытворяли с нею черт знает что, они даже занимались любовью в тумане, под старым дубом, и промокли до костей. Шеп тогда смотрел на нее с обожанием, а она, крепко обхватив его за талию, слушала, как колотится его сердце, и думала о растущем у нее в животе ребенке. Мальчик или девочка? И что ему достанется – ее блондинистые кудряшки или густые каштановые локоны Шепа? Каково это, кормить грудью крохотного человечка?

Волшебный момент. К сожалению, потом таких моментов в их браке было не слишком много.

В дверь постучали. Сэнди виновато отвела взгляд от окна и увидела прислонившегося к дверному косяку босса, Митчелла Адамса. Он стоял, скрестив ноги и сунув руки в карманы брюк трехсотдолларового костюма цвета древесного угля. Его темные волосы едва касались воротничка, впалые щеки были чисто выбриты. Митчелл Адамс принадлежал к тем мужчинам, которые всегда выглядят хорошо – что в наряде от «Армани», что в ширпотребе из «Л. Л. Бин». Шеп невзлюбил его с первого взгляда.

– Как дела с отчетами? Идут? – осведомился Митч.

Что бы ни выдумывал себе Шеп, Адамса интересовал только бизнес. Сэнди он взял на работу не потому, что она и в сорок сохранила фигуру и красоту. Он взял ее потому, что понял – у бывшей королевы красоты есть мозги в голове и потребность в успехе. Когда Сэнди попыталась объяснить это мужу, тот возненавидел Митчелла еще сильнее.

– У нас завтра встреча с представителями «Уолмарт»[2], – напомнил Митч. – Если мы хотим убедить их прийти в наш город, нам нужно иметь на руках все цифры.

[2] «Уолмарт» (Walmart) – торговая марка крупнейшей в мире сети розничной продажи.

– И мне нужно привести эти цифры в порядок.

– Далеко продвинулась?

Она замялась.

– Продвигаюсь.

Понимать это следовало так – не сделано ни черта. Понимать это следовало так, что они с Шепом крупно поцапалась накануне вечером. Понимать это следовало так, что она засиделась допоздна за делами, из-за чего снова поругалась с мужем и в результате осталась с ощущением полного бессилия и беспомощности. Но сделать что-то по-другому ей – как, впрочем, и Шепу – мешало католическое мировоззрение.

И вот они ходили и ходили по кругу, а между тем Бекки все время проводила в своей комнате с муляжами животных, которые, как ей представлялось, могли говорить, тогда как Дэнни все чаще и чаще задерживался в школьном компьютерном кабинете, где играл в Интернете. Сэнди он говорил, что хочет показать себя в глазах мисс Авалон. Но скорее всего – и в этом мнения родителей сходились – мальчика просто не тянуло больше домой. А потом, в прошлом месяце, этот неприятный случай со шкафчиками…

Сэнди машинально потерла виски. Митчелл сделал шажок в комнату, но сдержался и отступил.

– К завтрашнему утру, – тихо сказал он.

– Конечно. К утру все будет готово. Я понимаю, насколько важна эта встреча.

Митчелл наконец кивнул, хотя Сэнди и видела, что убедить его ей не удалось. Но что еще сказать? Она не знала. Вот такая жизнь. Все чем-то недовольны – босс, муж, дети… Сэнди постоянно твердила себе, что если продержаться еще немножко, а потом еще немножко, то все как-нибудь сложится. К предстоящей встрече с «Уолмарт» они готовились последние девять месяцев. Работали, засиживались допоздна. Но зато, если все пройдет хорошо, в город придут большие деньги. Их занимающаяся недвижимостью компания сможет наконец нанять больше сотрудников; сама Сэнди, вероятно, принесет домой солидный бонус; а Шеп наконец признает, что у нее – как и у него – есть и способности, и амбиции.

Без четверти два Сэнди встала из-за стола и опустила жалюзи на своем окне с таким расчетом, что это поможет ей сосредоточиться. Налила стакан воды, взяла ручку и приготовилась взяться за дело всерьез.

Но едва она успела углубиться в материал, как у локтя зазвонил телефон. Сэнди рассеянно сняла трубку, мысленно перерабатывая числа. И оказалась совершенно не готовой к тому, что услышала.

– Сэнди! Сэнди! – с истерическим надрывом заговорила Люси Тэлбот. – Ох, слава богу, я до тебя дозвонилась… В школе стреляли. Какой-то мужчина… говорят, его там уже нет. Я слышала по радио. В коридоре кровь. Учеников или преподавателей – не знаю. Все бегут туда. Так что давай побыстрее!

Сэнди не помнила, как положила трубку, как схватила сумочку, как крикнула Митчеллу, что ей нужно уйти.

Она помнила, как бежала. В школу, ей нужно попасть в школу. Ей нужно к Дэнни и Бекки.

И еще она помнила, что впервые за долгое время подумала: как хорошо, что Шеп О'Грейди – ее муж. Он нужен их детям.

Глава 2

Вторник, 15 мая, 13:52

Бейкерсвильская восьмилетняя школа напоминала сумасшедший дом. Остановившись в полуквартале от растянувшегося во все стороны одноэтажного здания, Рейни увидела бегущих через парковочную площадку родителей и отчаянно ревущих на огороженном школьном дворе детей. Звенела пожарная сигнализация. Выла сирена «Скорой» – черт бы подрал Уолта. С соседних улиц подлетали все новые машины – вероятно, вызванных с работы родителей.

– Черт, – пробормотала Рейни. – Черт, черт, черт…

Учителя собирали своих подопечных небольшими группами. Мужчина в костюме – может быть, директор Вандерзанден, Рейни встречалась с ним только один раз – стоял у флагштока и вроде бы пытался преобразовать хаос в некое подобие порядка. Без особого, впрочем, успеха. Его организаторским усилиям мешали родители, бегающие от одной группы к другой в поисках своих детей. Дети тоже кружили бесцельно, высматривая родителей. Какой-то мальчик в испачканных кровью джинсах выбрался, пошатываясь, из безумного круговорота и свалился на тротуар. На него никто не обращал внимания.

Рейни выскочила из машины и побежала. Каннингэм последовал за ней. Пробившись через людское море к стеклянным входным дверям, она заметила патрульную машину Шепа, блокировавшую стратегический западный вход на парковочную площадку. Однако самого шерифа видно не было.

Передние двери распахнулись, и Рейни увидела в конце широкого коридора двух бейкерсвильских медиков-добровольцев, Уолта и Эмери, оказывавших помощь жертве.

– Черт, – снова выругалась она. Пока здание не проверено, этим двоим делать здесь было нечего.

Незнакомый мужчина, вероятно родитель, пробежал мимо, прямиком к открытой двери. В последний момент Рейни схватила его за руку и оттянула назад.

– Мой ребенок… – начал он.

– На парковку! – крикнула она. – В здание никому не входить! Эй, вы… Да, вы, там, в костюме! Подойдите сюда.

Торопливо проходивший рядом моложавый мужчина остановился, словно зацепился за сучок. Вид у него был важный, чему способствовали приталенный костюм оливкового цвета и начищенные до блеска черные туфли. Он был явно взволнован и спешил и, остановившись, недовольно посмотрел на Рейни.

– Вы работаете в школе? – строго спросила она. – Ваше имя?

– Ричард. Ричард Манн. Я – школьный консультант, и мне нужно попасть к учащимся. У нас раненые…

– Знаете, что случилось?

– Там стреляли. Потом сработала пожарная сигнализация… все побежали. Я был у себя в кабинете, работал с бумагами, и вдруг… вся эта суматоха.

– Вы видели, кто стрелял?

– Нет, но кто-то сказал, что какой-то мужчина выбежал из западной боковой двери. Я не знаю…

– А что учащиеся? Все вышли?

– Мы следовали стандартной процедуре эвакуации, – машинально ответил Ричард Манн. Лицо у него вдруг вытянулось. Он наклонился и, понизив голос, чтобы слышала только Рейни, добавил: – Двое учителей сказали, что видели учеников в коридоре. Они спе-

шили в свои классы и не стали задерживаться… не хотели, чтобы дети увидели… А еще я видел здесь раненых ребят. Хотел позвать медиков, но они уже вошли в здание.

– У вас есть медицинская подготовка?

– Умею делать искусственное дыхание, проводить первичную реанимацию…

– Хорошо. Вот что вы сейчас сделаете. Организуйте пункт медпомощи на школьной лужайке. Соберите всех раненых детей. Я видела, как какой-то мальчик упал возле тротуара, так что пошлите кого-нибудь туда. Спросите, есть ли среди родителей такие, кто умеет что-то делать – искусственное дыхание, перевязку, не важно. Пусть помогают детям и держатся по мере возможности. Уолт, похоже, занят в здании, так что до прибытия «Скорой» из Кэбота еще минут десять-пятнадцать, не меньше.

– Я постараюсь. Просто из-за всего этого шума почти ничего не слышно.

Рейни указала на патрульную машину Шепа:

– Видите ее? Там, на заднем сиденье, мегафон. Сделайте так, чтобы вас услышали. Потом, когда устроите пункт медпомощи, у меня будет для вас другая работа. Вы меня слушаете?

Консультант кивнул. Он был бледен, но держался собранно и слушал внимательно, хотя над верхней губой выступил пот.

– Видите, сколько народу собралось на парковке? Нам нужно перевести всех на другую сторону улицу. Пусть учителя построят свои классы и проведут перекличку. Потом можно передать детей родителям. Но с парковки нужно убрать всех, кроме раненых, понятно? Здесь оставаться опасно. И еще. Никто не должен уходить, пока не будет разрешения полиции. Ясно?

– Да. Я постараюсь.

– Вы видели шерифа О'Грейди?

– Видел, как он вошел в здание. Думаю, искал своих детей.

Ричард Манн поспешил к машине Шепа. Рейни прошлась взглядом по белому школьному зданию, которое еще только надлежало проверить, и посмотрела на напарника. Чак нервно поглаживал оружие.

Рейни глубоко вдохнула. Весь ее опыт в такого рода делах сводился к практическим занятиям на курсах подготовки, а с тех пор прошло уже несколько лет, но ничего другого не оставалось. Уолт и Эмери уже были в школе. И Шеп тоже. Почему бы и им с Чаки не присоединиться?

Она повернулась к нему:

– Идешь за мной, Чаки. Глаза открыты, оружие не трогать. Уолт там без разрешения, но стрелять в него из-за этого не стоит.

Чаки послушно кивнул.

– Есть три вещи, о которых ты должен помнить на месте преступления. Ничего не трогать. Ни в коем случае ничего не трогать. И вообще ни хрена и ничего не трогать. О'кей?

Чаки снова кивнул. Рейни взглянула на часы. 13:57. На парковке все еще творилось черт знает что, и весь этот шум и гам, детский плач, крики и звон сигнализации мешали думать, мешали сосредоточиться. Тем более что она уже заметила красные пятна на дорожке, очевидный кровавый след, тянувшийся из школы во двор. Там бежали раненые дети. А другие? Те, которых, по словам Ричарда Манна, видели учителя?

Думать об этом она пока не могла.

С собой у нее был «глок» в правой руке и запасной двадцать второго калибра в кобуре на щиколотке. Рейни надеялась, что этого хватит. Она кивнула Каннингэму и, держа в левой руке «уоки-токи», переступила порог.

Здесь было еще шумнее. Неутихающий свист пожарной сигнализации эхом разлетался по длинным коридорам и дождем обрушивался на голову.

– Диспетчерская! – крикнула Рейни в рацию. – Один-пять вызывает диспетчерскую. Линда, ответь!

– Один-пять, диспетчерская на связи.

– Дай мне Хэнка. Пусть скажет, как отключить эту чертову пожарную сигнализацию.

– Э… о'кей. Один момент.

Они остановились в вестибюле, морщась от нарастающего шума.

Главный коридор был, на удивление, чист. Ни брошенных рюкзаков, ни книг, раскиданных по выложенному белой плиткой полу. Справа – приемная, окна которой были оклеены вырезанными из бумаги цветочками и бодрым приветствием – «Добро пожаловать!» Никаких признаков насилия.

«Уоки-токи» затрещал, и Рейни прижала рацию к уху, вслушиваясь в передаваемые Линдой инструкции. Войти в главный офис. Найти приборную панель. Она посмотрела на закрытую дверь. Что там, с другой стороны? Неизвестно. И не послушаешь. В том-то и проблема.

Рейни сделала знак Чаки – отступи в сторону. В таких делах лучше ничего не откладывать.

Пригнуться пониже и вперед, с пистолетом наготове. Ногой в дверь, упасть и перекатиться. Вскочить и вперед… Ничего. Ничего. Ничего. Офис безопасен.

Рейни подошла к панели управления, и уже секундой позже звон пожарной сигнализации оборвался.

Чаки даже вздрогнул от неожиданности. Внезапная тишина оглушила. А еще в ней было что-то неестественное и пугающее.

– Так-то лучше, – сказал через секунду Чаки, пытаясь придать голосу уверенности, хотя лицо его уже приобрело цвет пергаментной бумаги.

– Колумбайн[3] многому научил, – негромко ответила Рейни. – Пожарная сигнализация заглушала все прочие звуки, и спецназовцы долго не могли определить местоположение стрелков в здании.

– Тебя обучали на случай стрельбы в школе? – с надеждой спросил Чаки.

– Нет. Об этом писали в журнале «Тайм». – Рейни мотнула головой. – Идем. Не тушуйся. Смотри и слушай. Все будет в порядке.

Держа наготове оружие, они осторожно вернулись в главный коридор. За офисом шли ряды голубых шкафчиков. Все они были закрыты. Скорее всего, стрельба случилась после того, как учащиеся вернулись в классы с ленча, решила Рейни. Но имеет ли это какое-то значение? И что она найдет в классах?

Они двинулись дальше. На полу валялись несколько деформированных пуль – то ли залетели случайно, то ли их запинали сюда ноги разбегавшихся школьников и учителей. Рейни аккуратно обошла их, хотя и не питала иллюзий относительно того, что ждало их впереди.

Первая задача каждого полицейского при подходе к месту преступления – сохранить человеческую жизнь. Вторая – схватить, если это возможно, преступника и обезопасить место происшествия. Третья – отыскать свидетелей и обеспечить сохранность улик, поскольку работа полицейского еще и в том, чтобы смотреть дальше момента трагедии. Уже в самое ближайшее время жители городка потребуют ответов, захотят восстановить события этого дня и установить, кто что и с кем сделал. Что пошло не так. Кто виноват.

---

[3] Речь идет о кровавой бойне в средней школе Колумбайн в городке Литлтон, штат Колорадо, произошедшей 20 апреля 1999 г. Двое юношей, Эрик Харрис и Дилан Клиболд, ворвались в школу с оружием в руках. Бойня длилась четыре с половиной часа. За это время юные террористы ранили десятки учащихся и убили двенадцать соучеников и одного учителя, после чего покончили с собой.

Рейни уже знала, что ответить на эти вопросы будет нелегко. Школа находилась в жилом районе города, и слишком много горожан попали к ней раньше полицейских. Родители, медики, учащиеся – все оставили здесь свои следы, все поучаствовали в нарушении неприкосновенности места преступления. А теперь здесь еще и они, двое вооруженных и неопытных полицейских, впервые оказавшихся в столь сложной ситуации. Собственно говоря, проблемы начались до того, как она вошла в здание, и теперь ей не оставалось ничего другого, как только продолжать.

Рейни слышала за спиной хрипловатое дыхание Каннингэма; впереди, ярдах в пятидесяти, ругался Уолт.

– Черт бы тебя побрал, Брэдли, – бормотал он. – Не вздумай свалить. Держись, у нас же покер в пятницу.

Рейни и Каннингэм тихонько подошли к Уолту сзади и огляделись. На пересечении двух широких коридоров лежал школьный уборщик Брэдли Браун. С этой новой стратегической точки Рейни видела с десяток классных дверей слева. Все они были закрыты. По спине у нее пробежал холодок.

Она взглянула на Чаки, но волонтер смотрел вправо, в сторону двух стеклянных боковых дверей, разбитых и измазанных чем-то темным, возможно кровью. Следы повреждений были заметны и на многих шкафчиках. Очевидно, основные события произошли именно здесь.

Неподалеку от дверей лежало тело. Длинные темные волосы, свободное летнее платье. Возможно, учительница. Подойдя ближе, Рейни увидела еще два тела. Поменьше. Неподвижные. Не взрослые.

Каннингэм икнул.

Рейни отвернулась.

– Уже посмотрел, – бросил сквозь зубы Уолт.

– Вам нельзя быть здесь.

– Это же дети, Рейни. Просто дети. Не бросать же их.

Выговаривать ему она больше не стала. Уолт был военным фельдшером и имел немалый опыт добровольческой работы. Он оценил ситуацию и знал – что сделано, то сделано, – а потому оказывал помощь уборщику.

Брэдли – пожилой мужчина с седыми щетинистыми волосами, в коричневых брюках и поношенной синей рубашке, со скромными золотыми часами из разряда тех, что дарят на двадцатилетний юбилей службы, – получил пулю в грудь. Тонкие марлевые повязки не могли остановить кровотечение, и красное пятно безжалостно расплывалось.

– Как другие? – шепотом спросил он.

– Все в порядке, Брэдли, – твердо ответил Уолт. – Ты о своей шкуре беспокойся. Это надо же – словил пулю… А ты о чем думаешь? – Он вставил в руку Брэдли иголку от капельницы, рассчитывая компенсировать кровопотерю.

– Вы отлично держитесь, – заверила уборщика Рейни, опускаясь рядом с раненым на колени и ободряюще ему улыбаясь. – Так все-таки что здесь случилось?

– Подстрелили…

– Кроме шуток. – Она принужденно усмехнулась, словно они просто болтали за ленчем. – Видели, кто это сделал?

– Вышел… из-за угла.

Рейни кивнула, ожидая продолжения. Лицо Брэдли начало синеть. Рейни знала: за синюшностью последует вызванной потерей крови гиповолемический шок, а потом раненый потеряет сознание. Если кровотечение не остановить, он умрет. Уолт и Эмери делали все возможное, но повязки, которые они накладывали на рану, почти мгновенно окрашивались красным.

– Услышал выстрелы… – выдохнул Браун. – Хотел… помочь.

– Вы смельчак, Брэдли.

Уборщик поморщился.

– Только вышел… бац… Не видел…

– Не видели, кто стрелял?

– Нет. – В горле у раненого заклокотало. – Был… во Вьетнаме. Забавно… думал… это будет там.

Глаза у него вдруг закатились. Уолт выругался.

– Черт. Мне нужны еще бинты. Эмери…

Тот открыл пустую коробку:

– Больше нет. Кончились.

– Так сбегай и принеси. – Уолт потянулся к тележке. Рейни отступила, чтобы не мешать.

– Не получится, – покачал головой Эмери. – Больница слишком далеко.

– Вертолет? – подала голос Рейни.

– Вызвал семь минут назад. Думаю, будет минут через пять.

– Вот дерьмо, – воскликнул Каннингэм за спиной у Рейни. – Да сделайте же что-нибудь, остановите кровотечение! Человек же умирает, вы что, не видите? – Он обвел взглядом лица собравшихся, а потом вдруг сорвал с себя светло-коричневую рубашку, купленную два месяца назад и составлявшую предмет его особой гордости. – Вот, возьмите.

– Этого мало, – покачал головой Уолт. – Нужно покрепче перетянуть рану.

– Вахтерская кладовка, – вспомнила Рейни. – Там должно что-то быть.

– Гигиенические салфетки, – сказал Уолт. – Вот что нам надо!

Ближе всех к кладовке оказался Чак. Ухватившись за металлическую ручку, он дернул дверцу на себя. Дверца не поддалась. Он ударил по ней ладонью, а когда и это не сработало, навел на замок пистолет.

– Господи! – Рейни быстро шагнула к нему и одним движением выхватила «глок» из вытянутой руки, прежде чем напарник успел выстрелить. Потом повернулась и твердо посмотрела ему в глаза. – Черт бы тебя побрал. Никогда больше так не делай! Мы же на месте преступления, и здесь всё – улики! Возле школы перепуганные родители, и половина из них примчатся на твои выстрелы с дробовиками и разнесут тебя на кусочки.

– Нам надо ее открыть! – крикнул в ответ Чаки.

– Ну так приложись плечом! Оно у тебя не стеклянное.

Глаза у Чаки вспыхнули. Рейни отступила, на всякий случай приготовившись прикрывать напарника. Ее смущали закрытые двери классов. Кто их закрыл? Кто не пожалел на это времени, когда все бежали, думая только о спасении? Кто успел навести здесь такой порядок? Определенно, не школьники. И не учителя. А если не они, то оставался только один вариант.

Чаки разбежался и прыгнул. Дверца с треском открылась, и он с победным воплем влетел в темную каморку. Но прежде чем Рейни успела прийти на помощь напарнику, Каннингэм издал крик, от которого у нее замерло сердце.

– Боже! Здесь ребенок!

Уолт и Эмери устремились на крик, но Рейни оттолкнула обоих.

– Я проверю, – коротко бросила она. – Уймись, Уолт, ты уже все свои девять жизней использовал.

Ей пришлось трижды моргнуть, прежде чем глаза привыкли к темноте. Каннингэм стоял в углу, склонившись над маленькой, сжавшейся в комочек девочкой с золотистыми волосами. Потом малышка подняла голову, и Рейни мгновенно ее узнала.

– Бекки О'Грейди! Ох, милая, с тобой все хорошо?

Она кивнула Уолту и Эмери, убрала в кобуру оружие и опустилась на колени перед дочкой Шепа. На первый взгляд девочка была в порядке. Рейни провела пальцами по тоненьким детским ручкам, но ни порезов, ни синяков не обнаружила. Как не обнаружила ни пороховых ожогов, ни пулевых отверстий, ни чего-то еще, что могло бы быть. И только потом заметила отрешенность в ясных голубых глазах девочки. Рейни осторожно притянула бедняжку к себе, и Бекки мешком свалилась ей на руки.

Рейни быстренько вынесла девочку из каморки и, положив на прохладный пол, уступила место Эмери.

– Зрачки расширены, – объявил он. – Реакция отсутствует. Можешь сказать, как тебя зовут?

Бекки молчала.

– Ты меня слышишь?

Девочка не ответила, но, когда он щелкнул пальцами, повернула голову на звук.

– Шок, – констатировал Эмери. – Возможно, причиненный травмой. Со временем пройдет.

Рейни присела перед девочкой на корточки. Тревога осталась, и Эмери ее не убедил. На носу у Бекки темнело грязное пятнышко, в волосах запуталась паутина. В этот день на ней была зеленая футболка с танцующими Винни-Пухом и Пятачком и подписью, гласящей, как здорово иметь друга.

Рейни осторожно стерла пятнышко сажи и погладила девочку по бледной щеке.

– Милая, как ты попала в каморку?

Бекки смотрела на нее и молчала.

– Ты пряталась?

Девочка медленно кивнула.

– Ты знаешь, от кого пряталась?

Нижняя губа у Бекки задрожала.

– Это был кто-то, кого ты знаешь?

Бекки опустила глаза.

– Все хорошо, милая. Теперь все кончилось. Ты в безопасности. – Рейни оглянулась на закрытые двери классов. – Тебя никто больше не обидит. Мне только нужно знать, кто это сделал, чтобы выполнить свою работу. Ты поможешь мне, Бекки? Поможешь мне выполнить мою работу?

Бекки О'Грейди покачала головой.

– Просто подумай об этом, милая. Просто подумай.

Прошла минута, потом другая. Девочка молчала, а потом и вовсе отвернулась от Рейни и сжалась в комочек. Так ничего и не добившись, женщина поднялась. Уолт и Эмери уже переложили Брэдли на носилки. Рану накрыли толстой стопкой гигиенических салфеток, которые прижимала к груди рубашка Чака. Брэдли оставался бледен, но дышалось ему, похоже, легче. Первое очко в пользу хороших парней.

Она огляделась. Дверь каморки раскололась. Половину содержимого Уолт, в поисках салфеток, просто выбросил в коридор. Их с Эмери кровавые отпечатки были теперь повсюду. Двери оставались закрытыми, и Бекки О'Грейди сидела, сжавшись в комочек, у ее ног.

Дальше по коридору… Мертвая учительница. И две девочки…

Господи, что же случилось в бейкерсвильской восьмилетней школе?

Рейни отвела в сторону Чаки.

– Бекки нужно убрать отсюда. Возьми ее, вынеси и постарайся найти Сэнди, ладно? Наши уже на подходе. Расставь их по периметру вокруг здания. И передай от меня вот что: внутрь периметра никого не впускать – ни прессу, ни мэра, ни богатеньких родителей. Люку скажи, что регистрационный журнал за ним.

– Прессу ждать недолго, – проворчал, скорчив гримасу, Чак.

– Вот пусть Шеп с ними и разбирается.

– Ладно. – Каннингэм прошелся взглядом по притихшему коридору с разбитыми стеклянными дверьми в конце. – Послушай, а почему все двери закрыты? Тот консультант сказал, что эвакуацию проводили по протоколу пожарной тревоги. Если так, то никто не стал бы закрывать двери и выключать свет, когда дети бегут из здания. Тогда кто это сделал?

– Не думаю, что это сделали дети или учителя.

– Человек в черном?

– А ты стал бы закрывать двери, убегая с места преступления?

Чаки наморщил лоб.

– Наверное, не стал бы. Но тогда что остается?

Рейни кисло усмехнулась:

– Не знаю, Каннингэм, но собираюсь выяснить.

Глава 3

Вторник, 15 мая, 14: 05

Сэнди О'Грейди срезала угол на скорости сорок пять миль в час. Покрышки ее верного «Олдсмобиля» недовольно взвизгнули, но она не обратила на это внимания. Вцепившись в руль, женщина смотрела только вперед.

По улице, справа и слева, бежали люди. Они выскакивали из домов и неслись по аккуратным, чистеньким тротуарам с белыми от шоками лицами, крича, передавая соседям страшную новость. Они бежали с аптечками, одеялами, бутылками с водой, полотенцами и всем прочим, что сообразили и успели прихватить.

Сэнди обогнула еще один угол, вдавила в пол педаль газа и наконец ударила по тормозам. Ну и ладно. За два квартала до школы улица уже была забита наспех припаркованными автомобилями и суетящимися родителями. Сэнди выехала на тротуар, выключила двигатель и бросилась в толпу.

Ну и шум… Выла сирена старенькой «Скорой» Уолта. Плакали дети. Родители звали детей. Потом Сэнди услышала полицейские сирены и рев моторов. До нее донесся резкий, громкий и пронзительный вопль, словно душу вырвали из материнского сердца, и внутри у нее похолодело.

Этого не могло быть. Только не в Бейкерсвиле. Только не в школе, где учились ее дети… О боже, пусть кто-нибудь сделает так, чтобы ничего этого не было!

Она шла через море людей и машин, сама не зная, куда идти. Просто пробивалась к школе, чтобы быть поближе. Где ее дети? Где муж? Кто скажет, что ей делать?

Сэнди заметила впереди полицейского из округа Кэбот. Направляя людей в сторону от школьного здания, он одновременно пытался выяснить, кто здесь главный. Ему никто не отвечал. Родители хотели одного: найти своих детей.

Она добралась наконец до огораживавшего школьный двор забора из металлической сетки и прижалась к нему. На парковочной площадке сидели и лежали дети. Кому-то прикладывали к голове холодный компресс, кому-то перевязывали поцарапанные, ободранные локти и колени. У сооруженного наспех пункта первой медицинской помощи работали, ловко управляясь с полотенцами и аптечками, пятеро взрослых. Сэнди узнала Сьюзен Миллер, мать Джонни и медсестру из кэботской окружной больницы. Увидела Рэчел Грин, председателя родительского комитета и домохозяйку, перевязывавшую запястье восьмилетней девочке. Заметила Дэна Дженсена, городского ветеринара, склонившегося над мальчиком в спекшихся от крови джинсах. Она даже рассмотрела дырку в плотной ткани. Мальчику попали в ногу.

Боже, пулевое ранение… Значит, так и есть. Здесь стреляли. Всё по-настоящему. Кто-то открыл огонь в бейкерсвильской восьмилетней школе.

Ее едва не вырвало.

Мимо просеменила заместитель директора Мэри Джонсон. Сэнди схватила ее за руку:

– Мэри, Мэри, что случилось? Как? Ты видела Бекки или Дэнни?

Вид у Мэри был измученный; волосы, обычно аккуратно убранные, растрепались, лицо поблескивало от пота. В первый момент она посмотрела на Сэнди рассеянно и непонимающе, потом узнала и схватила за руку.

– Ох, Сэнди, мне так жаль… Мы делаем всё, что в наших силах.

– Что с ними? Что с моими детьми? Где Дэнни и Бекки? Где мои дети?

– Ш-ш-ш, всё в порядке. Уверена, всё в порядке… Извини, я должна попросить тебя отойти. Всех детей учителя перевели через улицу. Их там собрали во дворах по классам. Значит, Бекки в четвертом дворе. А Дэнни будет в четвертом от нее, дальше по улице.

– Ты видела их? С ними все нормально?

Мэри Джонсон замялась. Что-то промелькнуло в ее глазах, и у Сэнди снова перехватило горло.

– Не помню. Детей так много…

– То есть ты их не видела.

– Мы уже эвакуировали из школы большинство детей. Теперь нам нужно немножко времени, чтобы со всеми разобраться.

– Господи, ты не видела моих детей.

– Пожалуйста, Сэнди…

– Жертвы есть? Кто-то пострадал? Ты просто скажи, *есть жертвы*?

Мэри сжала ей руку, и Сэнди увидела в прояснившихся глазах заместительницы директора то, о чем никто не хотел пока говорить вслух, то, во что все они будут отказываться верить в ближайшие дни, месяцы и годы: в детей стреляли, есть жертвы.

Значит, так оно и есть.

Сэнди не могла ни дышать, ни соображать. Если бы она могла отмотать время назад, отвести стрелки на шесть часов, к утру, когда накладывала на тарелки «чирьос», когда еще не чмокнула детей в лобик и не отправила их в школу. Она бы отвела стрелки даже не на шесть часов, а больше, когда укладывала их, вертлявых и непослушных, спать и читала сказку о мальчике-волшебнике и магических заклинаниях. Вот как должно быть. Господи, они ведь всего лишь дети… Просто дети…

Из толпы вырвался крик. Разом повернувшись к школьным дверям, Сэнди и Мэри увидели выбегающих с носилками Уолта и Эмери.

– Расступитесь, расступитесь! – кричал Уолт.

Полицейский тоже кричал, призывая людей освободить улицу. Проходу мешала машина, но никто, похоже, не знал, чья она. Полицейский рванул дверцу и переключил сцепление на нейтралку. Двое мужчин, подбежав, помогли сдвинуть автомобиль на тротуар. Толпа приветствовала эту маленькую победу. Уолт уже сидел в кабине «Скорой».

Едва отвернувшись, Сэнди увидела Чаки Каннингэма, бегущего через парковку со светловолосой маленькой девочкой на руках.

Бекки.

Прежде чем Мэри Джонсон успела остановить ее, Сэнди метнулась к ним, пролетела через площадку и раскрыла объятия в тот самый момент, когда Бекки увидела ее и крикнула:

– Мамочка!

В следующую секунду малышка уже была в ее руках. Сэнди прижала к себе дочурку – сильно, сильно, сильно, – вдыхая сладковатый аромат яблочного шампуня, и Бекки крепко, до боли, стиснула ее шею.

– Доченька моя… доченька… Малышка…

– Мамочка… мамочка… мамочка…

– Моя милая…

Оторвав полные слез глаза от дочери, Сэнди посмотрела на Чаки и лишь теперь заметила, что он наполовину голый и испачкан кровью.

– Дэнни? – хрипло спросила она.

– Я не знаю, мэм.

– Шеп?

– Извините.

Сэнди опустилась на колени. Один ребенок был с ней, один – в безопасности. Только один. Ее охватило нехорошее предчувствие. Что-то холодное и темное растекалось по венам. Она с мольбой посмотрела на небо.

– Где мой сын? *Господи, где Дэнни*?

Оставшись в школе одна, Рейни сжала влажными пальцами рукоятку «глока». Дыхание сбилось. В груди неестественно громко колотилось сердце. Стараясь не обращать внимание на неприятные ощущения, она направилась к дальней левой стороне школы – прочь от лежащих неподвижно тел. Теперь ей предстояло последовательно и методично проверить классные комнаты, которые – в этом Рейни уже не сомневалась – не были пусты.

Чему там их учили на полицейских курсах? За несколько лет память изрядно поблекла. Какая-то аббревиатура…

А: Арестовать преступника при обнаружении на месте.

(На месте ли преступник? Свидетели упоминали мужчину в черном. И все эти закрытые двери…)

З: Задержать свидетелей и подозреваемых и установить их личность.

(Толпа учащихся, уже покинувших здание. Борющийся за жизнь Брэдли Браун. Может, они и свидетели, но теперь ответственность за них лежит на других.)

О: Оценить место преступления.

(Чистые коридоры, нетронутая приемная. Дальше – шкафчики со следами от ударов, стреляные гильзы на полу. Не пропусти очевидное, так им говорили на занятиях. Что считать очевидным в стрельбе в школьном здании? Убитых на полу?)

С: Сохранить в неприкосновенности место преступления.

(Рейни моргнула. Медики, взломанная каморка вахтера, разбросанные Каннингэмом гильзы. Родители на парковочной площадке. С минуты на минуту сюда прибудет бригада экспертов из криминалистической службы штата, и ее карьера на этом закончится.)

У: Учет.

(Рейни посмотрела на свой пистолет. В нагрудном кармане у нее лежал блокнот. Но получится ли держать одновременно и его, и оружие?)

ЗАБУДЬ. Сосредоточься на первом пункте – арестовать по возможности преступника. И что получится, если нарушить предписанный порядок действий? Ладно, по крайней мере надо постараться ничего не забыть.

Итак, ей нужно проверить место преступления с целью обнаружения подозреваемого. В данном случае место преступления – это большое, сложной планировки здание. Рейни смутно припоминала, как преподаватель на курсах объяснял метод обследования. Двигаться по спирали, постепенно расширяя зону поиска. Кроме этого теоретического положения, в памяти не отложилось ничего, и Рейни решила рассматривать данное место преступления как горизонтальную полосу. Она отработает ее слева направо. Без лишнего шума, спокойно, тщательно.

Прижавшись к стене спиной и уткнувшись подбородком в грудь – так она представляла собой меньшую мишень, – Рейни двинулась вперед.

Спокойно, ты же профессионал. Просто делай свою работу.

Первая комната далась труднее всего. Верхняя половина закрытой двери была стеклянная, но посмотреть, что там, за ней, мешали наклеенные во множестве картинки, зайчики и цветочки. Как и по всей школе, свет в классе был выключен.

Оставаясь в полусогнутом положении, Рейни медленно повернула ручку левой рукой и толкнула дверь. В задней части комнаты протянулись длинные серые тени; передняя лежала под ярким, слепящим солнцем. Рейни перекатилась через порог и вскочила, держа «глок» двумя руками, как в стойке Уивера. Вправо. Влево. Вперед. Назад. Ничего.

Комната была пуста, и Рейни наконец выпрямилась в полный рост. Включила свет. Открыла пошире и оставила в таком положении дверь. И приготовилась идти дальше.

Мало-помалу она добралась до конца коридора. На полу здесь еще валялись окровавленные бинты и салфетки, и ярко-голубые шкафчики были покорежены сильнее. Больше стало и кровавых брызг. Вмятина на нижнем шкафчике свидетельствовала о том, что кого-то швырнули на него с немалой силой. Гильз на белом полу валялось столько, словно кто-то разбросал целую пригоршню.

Картина случившегося постепенно прояснялась. Громкий треск выстрелов, панические крики детей. Девочки и мальчики выбегают из классов по сигналу пожарной тревоги; учителя дрожащими голосами просят сохранять спокойствие. Хаос. Масса школьников устремляется к передней двери; дети толкаются, спотыкаются, падают. Кровь в коридорах.

Рейни сделала несколько глубоких вдохов – пульс колотился в висках.

Ты – профессионал. Выполняй свою работу.

Она проверила комнату пятого класса, потом шестого. Следующей была библиотека, просторное, заставленное книжными стеллажами помещение. Ничего.

Коридор закончился. Рейни остановилась там, где пол был усеян осколками стекла от разбитой двери и где тихо и неподвижно лежали три тела.

Она не хотела смотреть на них, особенно на детей. Знала, что это останется с ней навсегда – болью, глубокими шрамами, не заживающими даже у таких «крепких парней», как она. Знала, что это будет напоминать ей о других сценах, тех, что она годами старалась забыть.

Но здесь было кое-что поважнее. Здесь речь шла о правах жертв и родителей, хотя что бы она ни сделала отныне, для трех семей этого будет слишком мало. Первая жертва, маленькая девочка, лежала на боку. Рейни пощупала пульс, хотя Уолт уже сделал это до нее. Кровавое пятно на груди расплылось на всю рубашку. Рейни сглотнула и осторожно, чтобы ничего не зацепить, двинулась дальше.

Второй жертвой тоже была девочка, на вид лет восьми. Как и первая, она получила несколько пуль в грудь и лежала чуть впереди первой. Девочки тянулись друг к дружке руками, так что пальцы их почти касались. Может быть, они шли вместе по коридору? Две подружки? Шли, держась за руки, веселые и смешливые. Рейни вдруг захотелось убрать назад ее упавшие на лицо волосы. Наклониться и шепнуть, что все будет хорошо.

К глазам подкатились жаркие, горючие слезы. Нет, этого она себе позволить не могла.

Ты – профессионал. Работай.

Она отметила положение обеих жертв. В соответствии с виктимологией[4]. И перешла к третьему телу.

Женщина – вероятно, учительница – лежала у двери компьютерного кабинета. Трое убитых, и все трое – женского пола. Совпадение или план? У нее были длинные темные волосы и неординарные, можно сказать, экзотические черты лица. Молодая, с гладкой кожей. Со стороны могло показаться, что она просто спит, но потом Рейни заметила маленькое аккуратное входное отверстие на лбу.

Стреляли из чего-то мелкокалиберного, подумала она. Может быть, двадцать второго калибра. Учительница вряд ли была старше самой Рейни. Около тридцати. Красивая. Обручального кольца не было, но Рейни легко могла представить, как вечером какой-то мужчина будет сидеть в одиночестве, держа в дрожащих руках фотографию и стараясь забыть будущее, которое никогда не случится. Господи…

Рейни снова вдохнула поглубже и медленно выдохнула. Еще три двери. Все поблизости от эпицентра насилия. Три комнаты. Все темные, притихшие в ожидании. Пора.

---

[4] Виктимология (от *лат*. victima – жертва) – междисциплинарная область, исследующая виктимизацию, то есть процесс становления жертвой преступления.

Она прижалась спиной к стене и опустилась на корточки – подождать, пока перестанут дрожать руки.

Ранение в голову только у одной учительницы. Один-единственный выстрел, и точно в цель. У обеих девочек множественные ранения в грудь, и разброс входных отверстий значительный – вверху, внизу, слева, справа, – как будто они попали в полосу огненного урагана. С учительницей картина совсем другая. Возможно, она и была намеченной целью? Преступник сначала застрелил ее, а уже потом встретил идущих по коридору девочек?

Или, может быть, он начал с девочек в коридоре, а учительница, сидевшая в компьютерном классе, услышала шум, открыла дверь и выглянула? Вероятно, она оказалась прямо перед убийцей. А он? Осмелел ли уже к тому моменту? Решил, что это так же просто, как в видеоигре? Прикинул, мол, зачем тратить понапрасну пули, если и одной вполне достаточно?

Ни тот ни другой сценарий не устраивали Рейни полностью. Почему у девочек так много ранений, а у взрослой женщины только одно? За этим что-то было. Но что? Ей недоставало времени как следует это обдумать.

Внезапно Рейни услышала шум. Как будто кто-то медленно протащил по полу металлический стул. Она метнулась через коридор и вжалась в стену рядом с дверью в тот самый момент, когда повернулась ручка и дверь открылась.

– Не делай этого, – произнес мужской голос. – Мы еще можем все поправить. Клянусь тебе, сынок, сегодня не случилось ничего такого, чего нельзя было бы поправить.

В поле ее зрения появился Шеп О'Грейди. Желтовато-коричневая форма не без напряжения облегала плотную фигуру. Коротко постриженные волосы поблескивали, тяжелое, бульдожье лицо было неестественно бледным. Со своего места Рейни видела, что он успел расстегнуть кобуру, но не успел достать оружие. Руки он держал перед собой ладонями вверх – жест подчинения, – но говорил быстро, с нажимом, отчаянно взывая к благоразумию своего противника.

– Уверен, это все ошибка. Большая ошибка. Недопонимание. Такое случается. Теперь нам нужно поработать вместе и все поправить. Ты же знаешь, нет ничего такого, что я не сделал бы ради тебя.

Все еще держа руки перед собой и глядя вперед, Шеп сделал еще один шаг назад. Сам ли он отступает или кто-то заставляет его выйти в коридор? Рейни не знала. Она оглянулась на три тела, лежавших футах в пятнадцати позади Шепа, и поняла, что его ведут туда же, к месту бойни. И как только он подойдет ближе…

Удивительно, но дрожь вдруг прекратилась, и руки налились силой, а нервы успокоились. Стрельбой она занималась всю жизнь. Правда, еще ни разу при исполнении, но Шеп был ее боссом и другом. Они знали друг друга давно, и у них была своя история, понять которую могли немногие. В конце концов, все просто и естественно.

Последняя мысль: сосредоточься на выстреле – нерешительность есть первый убийца копов.

Рейни резко оттолкнулась от стены и одновременно отпихнула в сторону Шепа. Пистолет на уровне глаз, ноги слегка согнуты, чтобы смягчить отдачу, палец на спусковом крючке.

– Нет! – крикнул Шеп.

А Рейни обнаружила, что стоит лицом к лицу с тринадцатилетним Дэнни О'Грейди, бледным как полотно, с пистолетом и револьвером в руках.

Глава 4

Вторник, 15 мая, 14:43

Детектив отдела убийств полиции штата Орегон Эйб Сандерс только что уселся за поздний ленч – большой итальянский саб с двойным пепперони и двойным сыром. Жена, окажись она в этот момент рядом, накричала бы на Эйба, прочитала лекцию о том, какой вред он наносит собственному здоровью, да еще и обвинила в намерении оставить ее «холестериновой вдовой». Обычно он соглашался с ней, доказательством чему могло служить отсутствие и намека на брюшко – и это во вполне уже зрелом возрасте сорока двух лет. Обычно, но не сегодня. Сегодня у него был один из «тех дней».

Маргарет Коллинс, симпатичная блондинка, отвечавшая в отделе за телефоны, проходя мимо, задержала шаг и сделала большие глаза.

– Ну и ну, Эйб. Если так пойдет дальше, мы тебя еще и с банкой пива увидим.

– Просто у них индюшка кончилась, – проворчал он, машинально придвигая сандвич поближе, словно опасаясь, как бы кто-то не отобрал его ленч.

– Дело Хэтуэя провалилось? – блеснула дедукцией Маргарет. Преступления были ее страстью, а по части интуиции она могла дать фору любому детективу.

– Чертов судья, – вздохнул Эйб и откусил край сандвича.

– В ящике не значит на виду.

Он тщательно прожевал – разговаривать с набитым ртом было бы невежливо, – не без усилия проглотил и лишь затем ответил:

– Ящик был уже открыт.

– Другим копом.

– Чертов коп. – Эйб откусил сыра.

Маргарет рассмеялась, подмигнула, чем на секунду заставила его позабыть о жене, и фланирующей походкой поплыла дальше, оставив Эйба один на один с пиршественным блюдом. Капля коричневой горчицы упала на письменный стол. Детектив удрученно покачал головой и, отложив сандвич, потянулся за салфеткой.

Каждый раз, когда то или другое дело не складывалось, Эйб шел вразнос и позволял себе запретное лакомство, но, по правде говоря, редко съедал его целиком. Стоя в очереди, он давал волю фантазии, представляя, что именно хотел бы взять, глотал слюнки и в конце концов заказывал самое большое. Потом, возвращаясь к столу, начинал размышлять о калориях, содержании жиров, уровне холестерина – и отодвигал лакомство в сторону. Декаданс был не в его стиле. Эйб относился к тем типам, что повернуты на самоконтроле и не дают слабины, даже когда сталкиваются со здоровенным итальянским сабом или горкой шоколадных пирожных. Поговаривали, что однажды он даже отвернулся от пинты мороженого «Бен и Джерри» с шоколадной стружкой, удовольствовавшись всего одной ложечкой.

В юности, будучи бойскаутом, Эйб Сандерс заслужил все почетные значки, студентом имел отличную зачетку и наилучшие спортивные показатели. Он читал классику – «просто так, ради собственного удовольствия» – и заполучил девушку, на которую заглядывались все парни. Потом купил дом в стиле ранчо с четырьмя спальнями и идеальной лужайкой в старом тихом районе Портленда.

И вот тогда-то наконец Эйб преподнес семье сюрприз. Он стал полицейским.

Родители шутили, что их помешавшийся на чистоте сын вознамерился очистить весь мир. Братья, старший и младший, сказали, что у него развился комплекс героя. Приятели по шахматному клубу на полном серьезе объявили, что все бухгалтерское сообщество просле-

зилось в тот день, когда он поступил в полицейскую академию, и что итоговые ведомости уже никогда не будут прежними.

Сам Эйб так никогда толком и не объяснил, почему принял решение стать копом. Может быть, он просто лучше многих, в том числе и зацикленных на контроле чудаков, понимал, что жизнь – дело путаное и грязное. Жена, которую он любил и обожал, после пяти лет бесплодных попыток узнала, что у нее никогда не будет детей. Район с их уютным домиком, который они выбрали в начале восьмидесятых за тишину и покой, стал прибежищем для бандитов и наркоманов. И сам Эйб, дотошный, методичный, донельзя организованный, в какой-то момент понял, что избранный путь главного финансового директора совсем его не привлекает.

Ему хотелось чувствовать, что от него что-то зависит, что он сам способен что-то изменить. Может быть, он даже хотел привести весь мир в такой же порядок, какой царил на его письменном столе.

В конце концов, причины не так уж важны. Детектив Сандерс был чертовски хорошим полицейским.

Ему немало доставалось от коллег. Они качали головой, поглядывая на его ухоженные руки, прохаживались по поводу его начищенных до блеска лоферов. Пытались вывести из себя, заменив его дорогой, купленный на собственные деньги черный степлер дешевым серым казенного образца, который постоянно ломался. Однажды они даже поменяли покрышки на его машине, чтобы посмотреть, заметит ли он подмену. Он заметил.

Потом они стали с ним работать.

Получая дело, Эйб Сандерс становился одержимым. У него появлялась цель, им овладевала страсть и – по причинам, объяснить которые не мог он сам, – злость и гнев. Злость и гнев на несправедливость жизни и ужравшихся в хлам или обкурившихся до одури тупых недоумков, отнимающих жизнь у хороших, честных, достойных трудяг.

Может быть, другие детективы и не понимали значимость хорошего степлера, но всем детективам знакомы злость и гнев. Это общий знаменатель, о котором никто не говорит и который все понимают.

Эйб аккуратно завернул сандвич, положил его ровно посередине треугольной формы листа, подобрал уголки и плотно завернул. Промокнул каплю горчицы на столе влажной салфеткой. И отправил все в мусорную корзину.

На этот раз его взбесило дело Хэтуэя. Виноват, в общем-то, был не судья. Ордер на обыск выписали слишком небрежно, и полицейским пришлось импровизировать. В наше время такое больше не прокатывает. Миром правят адвокаты, а копам приходится учиться обращать внимание на мелкий шрифт. Как есть, так есть, и ничего тут не поделаешь.

Ордеров и арестов, с которыми возникали проблемы, набиралось не так уж много – пересчитать их Эйбу хватило бы пальцев одной руки. В дотошности есть свои плюсы.

Он поднялся помыть руки, когда из своего офиса высунулся лейтенант.

– Сандерс? На пару слов.

Интересно, что у него там, подумал Эйб, входя в кабинет и присаживаясь на край жесткого пластикового стула. А через секунду он услышал о городке Бейкерсвиль, находящемся в двух часах езды от Портленда и даже не имеющем собственного отдела убийств. Потрясенный, Сандерс молча слушал рассказ лейтенанта о том, что, как предполагала полиция, стало уже вторым случаем со стрельбой в школах Орегона за последние годы. В поступивших сообщениях говорилось о жертвах. Бригада экспертов-криминалистов уже выехала, полиция округа отправила своих людей, полиция штата – тоже. О стрелке никакой информации не поступало, и, что странно, шерифа пока найти не удалось.

– Нам позвонил губернатор, – продолжал лейтенант. – Делу придается большое значение, а расследование, судя по всему, уже вышло из-под контроля. Начальству нужен человек

надежный, представительный, опытный, обладающий организационными способностями, который мог бы распорядиться всеми – городскими, нашими и, по всей вероятности, федеральными – ресурсами.

– Несомненно.

Лейтенант скользнул взглядом по крепкой, подтянутой фигуре в аккуратном, сшитом на заказ сером костюме.

– Нужен человек, который хорошо выглядел бы в глазах прессы.

Эйб хищно улыбнулся. Он любил прессу и репортеров. Он знал, что и в каком объеме им скормить, а потом сам пожирал их заживо. И был этим счастлив.

– Несомненно! – повторил Сандерс с уже большим энтузиазмом.

– Отправляться надо сегодня же. Для начала рассчитывай на две-три недели, потом съездишь еще.

– Без проблем.

Эйб не покривил душой. В последнее время Сара его присутствия почти не замечала. Он уступил ее мольбам и купил двухмесячного щенка. Теперь она занималась только собачонкой: ухаживала за ним, кормила и щекотала под подбородком. Эйб уже представлял, как, вернувшись однажды домой, увидит щенка в детской одежде и шапочке. А тот еще и ухмыльнется – мол, так и надо; пока что псина держалась совершенно невозмутимо.

Иногда Эйб и себя ловил на том, что ласкает приемыша. У него была такая пушистая, мягкая на ощупь шерстка. Хотя, разумеется, лучше держаться подальше от существа, не способного контролировать собственный мочевой пузырь.

– Тогда дело твое, – подвел итог лейтенант. – Берись за него так, как будто получил вчера. И, Сандерс…

Эйб остановился у двери.

– По информации оттуда, погибли по меньшей мере двое детей. Дело будет нелегкое. Для всех.

– Стрелок – школьник?

– О стрелке пока данных нет.

– Чаще всего так и бывает.

– Будем исходить из того, что это так. Сделай все как надо. И побыстрее. Для всех будет лучше.

Эйб понял. Когда жертвы – дети, люди становятся немножко бешеными. Иногда и полицейские тоже.

Сандерс заказал машину. Как всегда, позвонил заранее в отель, собрал относящуюся к делу информацию и отправился домой – паковать чемодан.

– Дети убивают детей, а у них даже отдела убийств нет, чтобы все это разгребать, – бормотал он. – Хорошо, хоть я приеду, а то эти олухи деревенские, должно быть, уже в штаны наложили.

Рейни успела отдернуть палец от спускового крючка.

– Дэнни, – выдохнула она.

Мальчик замер, словно оглушенный. Пистолет двадцать второго калибра, который он держал в правой, наполовину вытянутой руке, смотрел в колено Рейни. Левая рука, с револьвером тридцать восьмого калибра, висела вдоль тела.

Куда смотреть? Она по-прежнему целилась в Дэнни.

И тут Шеп шагнул к ней.

– Стоять! – крикнула Рейни, имея в виду обоих. Шеп был вооружен, но хотя она и доверяла ему как другу, полагаться на него полностью не могла – здесь он был еще и отцом. Если Шеп решит, что Дэнни в опасности или если сам Дэнни посчитает, что он в опасности…

Рейни чувствовала, что ситуация быстро выходит из-под контроля, и постаралась не поддаться панике.

– Ты в порядке? – обратилась она к Шепу, не спуская глаз с мальчика.

– Это ошибка. – В голосе Шепа слышалось отчаяние. – Это все – одна большая ошибка.

– Вот и хорошо, но пока это все не закончилось, держи руки так, чтобы я их видела.

– Послушай…

– Дэнни, я хочу, чтобы ты слушал меня. Ты должен положить оружие. О'кей? Я хочу, чтобы ты – очень медленно – положил свое оружие на пол.

Дэнни не двигался. Взгляд его метался из стороны в сторону, и Рейни почти физически ощущала идущий от него запах паники. На нем были черные джинсы, черная футболка и белые кроссовки. Другого оружия, кроме того, что он держал в руках, она не видела, но и поклясться, что его нет, не могла. В доме шерифа хранилось много оружия, и Рейни знала, что Шеп с ранних лет брал сына с собой на охоту.

– Дэнни, – она добавила командного голоса, – я досчитаю до трех, а потом ты положишь оружие на пол.

– Рейни…

– Замолчи, Шеп. Дэнни, ты меня слышишь?

– Он ничего не сделал!

– Замолчи, черт возьми, или я уложу тебя на пол!

Шеп замолчал, но было уже поздно. Глаза у Дэнни сделались шальные, правая рука задрожала от напряжения. Рейни перенесла вес на левую ногу и на всякий случай снова положила палец на спусковой крючок.

– Дэнни! – Она повысила голос. – Дэнни, ты меня слушаешь?

Мальчик повернул голову в ее сторону.

– Дело серьезное, да, Дэнни?

Он коротко кивнул. Теперь у него дрожали уже обе руки.

– Думаю, ты хотел бы покончить с этим. Сейчас я скажу, что мы собираемся сделать. Я досчитаю до трех. Ты медленно положишь оружие на пол. Потом, когда я скажу, подтолкнешь его ногой ко мне. А потом ляжешь и вытянешь руки и ноги. Вот и всё. Всё закончится, Дэнни. Все будет хорошо.

Мальчик ничего не сказал. Он посмотрел мимо нее, туда, где на полу, протянув друг к дружке руки, лежали две девочки. Заметил он, похоже, и учительницу. Заметил и содрогнулся.

Господи, он не выдержит. Застрелится или получит пулю. Рейни не знала, какой вариант перевесит, но знала, что конец будет одинаков в любом случае. Убитые. Мертвые дети. Господи, только не это…

– Дэнни…

Поздно. Он вскинул правую руку.

– Нет! – дико взвыл Шеп.

– Не делай этого, Дэнни!

Выбирать не приходилось. Рейни потянула спусковой крючок.

Дэнни приставил дуло пистолета к своей голове.

– Черт! – Шеп бросился к сыну.

Рейни вскинула руку и выстрелила в потолок в тот самый момент, когда отец и сын грохнулись на пол. Оружие Дэнни исчезло из виду, оказавшись между двумя телами. Потом револьвер все же выскользнул из-под них. Рейни отбросила его ногой и увидела, как Шеп схватил сына за правую руку и с силой сжал. Мальчик вскрикнул от боли. Шеп вырвал пистолет из его пальцев и отшвырнул в коридор.

Все закончилось быстро. Дэнни остался лежать на полу, уже не сопротивляясь. Шеп сел. Он тяжело дышал, и по его щекам катились слезы.

– Будь оно проклято. Будь оно проклято. Ах, Дэнни, Дэнни…

Он попытался – наверное, слишком поздно – обнять сына, но мальчик оттолкнул его.

Шеп уронил голову. Его плечи дрожали.

Рейни поняла, что пора включаться. Она повернула Дэнни на живот, и теперь он лежал в восьми или девяти футах от трех застывших навсегда жертв. Действуя по инструкции, развела руки и ноги. Обыскала. И, не найдя больше оружия, завела ему руки за спину и надела наручники.

– Дэниел О'Грейди. – Рейни рывком подняла мальчика на ноги. – Вы арестованы. У вас есть право хранить молчание. Все, что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде.

– Ничего не говори. Ни слова, – резко бросил Шеп. – Ты меня слышишь, сынок? Ничего не говори!

– Помолчи, Шеп! Ты не можешь давать такие советы собственному ребенку и сам прекрасно это знаешь. Ты понимаешь свои права, Дэнни? Понимаешь, что ты арестован за то, что сделал здесь, в школе?

– Ни слова, Дэнни! Ничего не говори!

– Шеп! – снова предупредила Рейни, но это было уже неважно.

Дэнни О'Грейди даже не посмотрел на отца. Он стоял понуро, опустив плечи, в черной, слишком большой для него футболке «Найк», измученный и осунувшийся. Какое-то время он молчал, потом выдавил из себя:

– Да, мэм.

– Ты это сделал? – уже мягче спросила Рейни и услышала в своем вопросе смятение и замешательство. Она знала этого мальчика едва ли не с самого его рождения. Знала, что он хороший ребенок. Он носил подаренный ею значок помощника шерифа. Да, Дэнни был хорошим мальчиком. – Ты застрелил этих людей, Дэниел? Ты убил маленьких девочек?

И он ответил ей тихим, отстраненным голосом:

– Да, мэм. Думаю, что это сделал я.

Глава 5

Вторник, 15 мая, 15:13

Они молчали, Рейни и Шеп, пытаясь, каждый по-своему, переварить услышанное. Шеп не стал ни оспаривать признание Дэнни, ни утверждать, что они не так его поняли, ни даже напоминать ей, что Дэнни – его ребенок. Похоже, заявление сына не просто ошеломило шерифа – оно раздавило его.

Рейни, со своей стороны, так и не придумала, что еще сказать. Она только что услышала признание, и ее обязанность как полицейского определялась четко и ясно.

Подведя подозреваемого в убийстве к передней двери, Рейни замерла от неожиданности – в лицо ей ударили с десяток вспышек. Пресса прибыла. Дело дрянь.

Она торопливо отступила, дернув в сторону Дэнни, пряча его от бьющего в глаза света и града вопросов. Тот посмотрел на нее растерянно и робко, словно не понимая, что происходит, но подчинился, покорно, без возражений. И от этого взгляда ей стало не по себе – уж лучше б он не смотрел на нее так.

С минуту они втроем, словно беглецы, стояли, прижавшись к стене.

– Тебя не должны видеть с нами, – сказала Рейни, поворачиваясь к Шепу.

– Я не оставлю его одного с тобой.

– Ты здесь ничего не решаешь. Я могу допросить Дэнни без тебя. И в тюрьму могу отвести без тебя. Да ты и сам это знаешь.

Шеп нахмурился и бросил на нее недовольный взгляд, но сказанное проглотил. По законам Орегона никаких особенных привилегий подозреваемые в убийстве подростки не имели. Поскольку Дэнни было больше двенадцати лет, он нес полную уголовную ответственность за свои действия. Он обладал теми же правами, что и любой другой арестованный, и мнение родителей в данной ситуации никакого значения не имело. Самое лучшее, что могли сделать для сына Шеп и Сэнди, это нанять хорошего адвоката. Да радоваться, что их ребенку еще нет пятнадцати, – в противном случае он подпадал бы под статью 11 и проходил по делу как взрослый. И еще больше радоваться, что в Орегоне нет закона о предотвращении допуска детей к оружию, по которому Шеп и Сэнди несли бы уголовную ответственность за то, что оно попало в руки несовершеннолетнего.

– Что ты хочешь сделать? – спросил Шеп.

– Снимай рубашку.

Он взглянул на сына и, поняв, что задумала Рейни, принялся расстегивать пуговицы на форменной рубашке. Под ней обнаружилась простая белая футболка, заношенная и застиранная. Без рубашки Шеп меньше походил на шерифа и больше на обычного человека, отчего сердце у Рейни дрогнуло. Ей это не понравилось.

Шеп накинул рубашку на голову Дэнни и аккуратно расправил складки, как будто сын был стеклянный и он боялся, что может по неосторожности его разбить.

– Все будет хорошо, – прошептал шериф и снова посмотрел на Рейни, покорно ожидая следующего приказа.

– Иди и найди Люка. – Голос ее дрогнул, и она кивнула в сторону восточного выхода. – Пусть подъедет туда на патрульной машине.

– Я хочу поехать с Дэнни.

– Нет. Люк найдет кого-нибудь из полиции штата, и они поговорят с Дэнни. Да не смотри ты на меня так. Сам знаешь, как это делается. Вы с Дэнни были вместе. Одни. Он твой сын. Нам нужно знать, что он тебе сказал. Что сделал. Почему ты оказался один на

месте преступления и почему, – тут она позволила себе намек на улыбку, – едва получив звонок, назначил ответственным своего заместителя.

Рейни посмотрела шерифу в глаза и впервые увидела, как они вспыхнули.

– Ты же ни на что такое не рассчитывал? Не надеялся, что я спущу все на тормозах?

Шеп не ответил.

– Ты ведь уже знал, да? Услышал новости и понял, что случилось, а?

– Все было не так.

– Я – твой друг, но даже я тебе не верю. Черт бы тебя побрал.

Все! Хватит! Сыта по горло. Она здесь главная. Впереди море работы: оформить арест тринадцатилетнего мальчишки, проверить его руки на пороховой след, выяснить, почему он открыл огонь в школе. Потом вернуться на место преступления, еще раз разобрать случившееся и попытаться влезть в голову человека, совершившего массовое убийство. И наконец, самое тяжелое – завтра утром или, скорее, вечером присутствовать при вскрытии двух девочек, которые погибли, держась за руки. Слушать перечисление полученных ими ранений. Снова представлять, какими они были, последние мгновения их жизни. И думать о том, что все это сделал с ними ребенок, мальчик, которого она знала лично и которым гордилась.

– Уходи, – сказала Рейни. – Найди Люка, и давай займемся делом.

– Сначала мне надо найти Сэнди, – упрямо заявил Шеп. – У нас есть друг… адвокат. Она может ему позвонить.

– Убирайся!

Шеп наконец отступил. В последний раз посмотрел на сына. Со стороны казалось, что он хочет сказать что-то еще, но не может найти нужные слова. Потом шериф повернулся и вышел через передние двери. Притихшая было толпа встретила его громкими криками. И тут Рейни уловила новый, только что появившийся звук – рубящий звук лопастей опускающихся вертолетов, прибывших наконец для эвакуации раненых.

А вот за телами убитых из службы судмедэкспертизы приедут еще не скоро, невольно подумала она.

Полицейскому Люку Хейзу стукнуло тридцать шесть; он был лысоват и уступал в росте большинству женщин. Недостатки компенсировала подтянутая фигура и плотное телосложение, что не только позволяло ему кружить головы дамам, но и давало преимущество в драке. И все же главным достоинством Люка, по мнению Рейни, были голубые, со стальным отливом глаза. Она видела, как он одним лишь взглядом усмирял пьяных дебоширов вдвое больших габаритов. Как гипнотизировал разгневанных домохозяек, заставляя их опустить любимый кухонный нож. Как однажды одним лишь суровым взором уложил на брюхо рычащего добермана.

Резкий, взрывной Шеп. Неугомонная, переменчивая, как апрельская погода, Рейни. Люк своим постоянным присутствием и спокойной улыбкой удерживал их крохотный отдел в равновесии.

Никогда прежде Рейни не видела его растрепанным. До сегодняшнего дня.

Ведя Дэнни к боковому, восточному выходу – в противоположной от места преступления стороне, – Рейни наткнулась на Люка у самой двери. Лысина у него блестела от пота, форменная рубашка промокла насквозь. Последние пятьдесят минут он изо всех сил старался удержать возбужденных, близких к панике родителей, не дать им ворваться в здание, одновременно записывая имена и показания свидетелей, и теперь лицо его несло печать напряжения.

– Ты в порядке? – сразу же спросил он Рейни.

– Вполне.

Люк стрельнул глазами в Дэнни, и его крепкие плечи, как показалось, поникли. Рейни догадывалась, о чем он мог подумать. Как они играли с пятилетним мальчуганом в их занимавшем одну комнату участке, пока шериф занимался делами. В полицейских и воров. *Тук-тук-тук*. Или в ковбоев и индейцев. *Бац-бац-бац*.

Знаешь, почему в больших городах так много проблем? Потому что у них там ничего подобного и быть не может. Им нельзя приводить детей в офис. Никто друг другу не помогает. Не удивительно, что у нас в Бейкерсвиле мало работы. Мы слишком заботимся о своих, чтобы еще и на дурости время оставалось.

– Давай займемся делом, – мягко сказала Рейни.

Люк вздохнул, кивнул и расправил плечи – готов.

Он встал справа от поникшего, съежившегося Дэнни и взял его под руку. Рейни встала слева и сделала то же самое. Раз, два, три! Они подхватили мальчика под локти и побежали к патрульной машине.

В школе было относительно тихо; здесь же, во дворе, на Рейни обрушилась волна звуков и ощущений. Ей как будто врезали под дых. Кричали репортеры, заметившие полицейских, выводящих из школы кого-то с накрытой головой. Кричали санитары, загружавшие в машину очередного раненого ученика. И дети, дети плакали в объятиях родителей. А одна мать отчаянно рыдала, упав на колени посредине двора.

Рейни и Люк не смотрели по сторонам – только вперед, и другие полицейские уже бросились им на помощь.

– Живей, живей, живей! – кричал кто-то, а Рейни подумала, что это глупо. Они и так бежали изо всех сил.

– Расступитесь! Дайте пройти! Ну же, расступитесь…

Репортеры давили, фотографы толкались в надежде сделать снимок для первой полосы.

Услышав новый крик, Рейни сделала ошибку – повернулась. Шеп нашел жену. Крепко прижимая к груди Бекки, она поворачивалась к бегущим полицейским.

– Нет! – вскрикнула Сэнди и сделала шаг вперед, но муж схватил ее сзади за плечи. – Нет! Нееет!

Из-под рубашки донесся приглушенный всхлип. Дэнни услышал крик матери и заплакал.

Добравшись до патрульной машины, Рейни торопливо затолкала арестованного на заднее сиденье. Снимать с его головы рубашку она не стала. Репортеры беззастенчиво напирали, но полицейским удавалось их оттеснять.

Рейни села за руль. Люк запрыгнул на пассажирское сиденье. Дверцы захлопнулись одновременно, отрезав их от хаоса и оставив наедине с подозреваемым в убийстве. Рубашка Шепа сползла с головы Дэнни, но он как будто и не заметил, а поправлять было уже поздно.

Люк включил сирену. Рейни отъехала от тротуара.

Секундой позже они наткнулись на забившую улицу людскую «пробку». Рейни посигналила, и толпа неохотно расступилась. Все вытягивали шеи, стараясь заглянуть в машину, но те, кому это удалось, реагировали по-разному: кто-то удрученно качал головой, кто-то сжимал кулаки.

– Черт, – пробормотал Люк.

Рейни посмотрела на арестованного в зеркало заднего вида. Дэнни О'Грейди, подозреваемый в убийстве трех человек, только что уснул.

Глава 6

Вторник, 15 мая, вечер

Рейни работала еще шесть часов.

Вместе с Люком они оформили арест Дэниела О'Грейди по обвинению в убийстве при отягчающих обстоятельствах. Взяли у него отпечатки пальцев и сфотографировали. Проверили руки на наличие порохового следа и переодели в оранжевую тюремную форму вдвое большего размера – нужного не нашлось. Собственную одежду Дэнни отложили для отправки в криминалистическую лабораторию штата, где ее исследуют и возьмут образцы волос, тканей и телесных жидкостей, а также пороховых частиц – всего того, что свяжет его с преступлением.

Затем они в присутствии прокурора округа Кэбот начали допрос арестованного, продолжавшийся около десяти минут, до появления адвоката, Эвери Джонсона, который, едва переступив порог, потребовал прекратить процедуру.

Джонсон отругал Рейни и Люка за допрос ребенка, заявил, что состояние его клиента не допускает проведения с ним следственных действий, и потребовал незамедлительно перевести Дэнни в окружной центр содержания несовершеннолетних, где он пройдет медосмотр и курс послешоковой реабилитации.

Пока стороны пререкались, Дэнни сидел с безучастным видом, словно уйдя мыслями куда-то далеко, за миллион миль от офиса шерифа, где играл когда-то после школы.

Отвезти мальчика в окружной центр – сорок пять минут на машине – согласились Люк и прокурор Чарльз Родригес. Рейни нужно было вернуться в школу, куда прибыли наконец эксперты-криминалисты и детектив из отдела убийств полиции штата, некто Эйб Сандерс, уже взявшийся по-хозяйски распоряжаться всем и всеми.

Напоследок Рейни еще раз поцапалась с Эвери Джонсоном. Он пообещал, что она о нем еще услышит. Она ответила, что будет ждать с нетерпением. Он высказался в том смысле, что происходящее в участке – пародия на правосудие. Она посмотрела на него в упор – ответ вертелся на языке, – но благоразумно сдержалась. Распрощавшись с адвокатом и оставив Дэнни на попечение Люка, Рейни отправилась на место преступления.

Следующие пять часов она провела в школе, с экспертами-криминалистами. Рассказала, что знала. О вторжении на место преступления санитаров. О своих перемещениях и действиях, оставивших пороховой след на ее руках и куски потолочной штукатурки на месте сосредоточения ключевых улик. Эксперты слушали хмуро, а выслушав, забрали у нее «глок» – для сравнения порохового следа. Потом Рейни помогала собирать стреляные гильзы – пятьдесят пять напоминаний о стрельбе, отнявшей три жизни, отправившей в больницу шестерых раненых и принесшей горе всему городу.

Полицейские нашли четыре пустые обоймы для патронов двадцать второго калибра и три спидлоудера[5] для револьвера тридцать восьмого калибра. Вообще-то эти приспособления разрабатывались именно для облегчения жизни полицейских, и сам факт присутствия их здесь служил напоминанием о том, что преступление совершено человеком не совсем посторонним.

В восемь вечера Рейни провела импровизированное совещание на спортплощадке возле школы. Представилась, еще раз рассказала о задержании Дэнни О'Грейди и поблагодарила всех, кто откликнулся на призыв о помощи и задержался после окончания смены, чтобы помочь с расследованием.

---

[5] Спидлоудер (*англ.* speedloader) – устройство для ускорения заряжания барабана револьвера.

Затем слово взял детектив Эйб Сандерс, присланный полицией штата для координации действий местных правоохранителей. Основное внимание он уделил теории преступления, складывавшейся по мере исследования места преступления.

Судя по всему, атака в стиле блицкриг случилась в самом начале второго, когда учащиеся вернулись на занятия. По словам учительницы третьего класса, девочки, Элис и Салли, попросились в туалет. Вскоре после того, как они вышли в коридор, все услышали выстрелы.

Оставалось неясным, стали первыми жертвами они или преподавательница компьютерной грамотности, Мелисса Авалон. В кабинете учительница находилась одна, и никто не знал, вышла ли она в коридор, услышав выстрелы, или была убита раньше девочек. Рассчитывать на то, что свет на это обстоятельство прольет судмедэксперт, не приходилось, поскольку установить точное время смерти не удалось. Сейчас полиция пыталась определить маршрут стрелка и траекторию выстрелов, чтобы восстановить логическую последовательность событий.

– И никто ничего не видел? – спросила Рейни.

Нет, ответили ей. Большинство учащихся, услышав звуки выстрелов, побежали к выходам, не имея ясного представления о том, где именно стреляют. Шесть школьников, все из младших классов, сообщили, что видели мужчину в черном, но никаких подробностей дать не смогли. Откуда пришел человек в черном? Куда ушел? Был ли он высоким? Низким? Худым или толстым? Когда детей расспрашивали о деталях, они быстро начинали путаться.

Двое полицейских обошли ближайшие к школе дома. Никто из горожан не видел, чтобы посторонние проходили через их двор.

– Итак, – заключил Сандерс, – человек в черном – тупик. По всей видимости, не более чем порождение травмированного сознания. Такое случается.

– Минутку, – вмешалась Рейни.

Сандерс бросил на нее недовольный взгляд. Судя по всему, он уже брал контроль за ходом следствия на себя. Важный парень представляет полицию штата. Плюс дорогой костюм. Да и жетон побольше, чем у нее. Что ему какие-то провинциальные копы с их провинциальными теориями? Парни из больших городов на таких никогда и не смотрели.

– Тем не менее вопрос остается, – твердо сказала Рейни. – Шесть учащихся сообщили, что видели незнакомого мужчину в черном. Это должно что-то значить.

– Такая истерия заразительна, – ответил Сандерс.

– Или они действительно видели что-то необычное. Взять ту же стрельбу. Вы говорите об атаке в стиле блицкриг. Две погибшие девочки получили множественные ранения. Следы от пуль по всей школе указывают на то, что стрельба велась наугад. Но есть еще и Мелисса Авалон. Убита одним-единственным выстрелом в лоб. Очень точный выстрел для произвольной атаки.

– Может быть, она была для него особенной целью. Что известно об отношениях Дэнни с учительницей?

Полицейские принялись листать блокноты. Оказалось, этой жертвой никто специально не занимался.

– Послушайте, – уже более благосклонным тоном продолжал Сандерс, вероятно решив, что имеет дело не с полной идиоткой, – эта версия с Авалон действительно представляется весьма интересной. Я помечу для себя, а завтра, когда начнем собирать следственную группу, поручу кому-нибудь пройтись по этой ниточке. Да, черт возьми, работы предстоит немало. И это только первое, что приходит в голову.

– Мне тоже кое-что в голову приходит. И первое – мы не должны сейчас ничего сбрасывать со счетов.

Эйб закатил глаза.

– Есть, мэм. – И негромко добавил: – Конечно, это ведь вы арестовали мальчишку.

Рейни напряглась. День был долгий и тяжелый, и слушать такую чушь она не собиралась. В ее душе закипала опасная, совершенно не пропорциональная мелкому уколу злость. Дело было не только в том, что Эйб Сандерс вел себя как последний остолоп, но и в том, что ей пришлось арестовать паренька, которого знала и который – да! – ей нравился.

Глупый, самолюбивый мальчишка, как же ты мог поступить так жестоко?

Эйб Сандерс все еще смотрел на нее выжидающе – клюнет на наживку или нет? Рейни понимала, что если расшумится и выйдет из себя, это будет непрофессионально и он будет чувствовать себя победителем. Доставить ему такое удовольствие она не собиралась.

– Нам нужно поговорить завтра.

– Обязательно.

– Утром.

– Конечно.

– В полвосьмого?

– В семь.

– Отлично. Увидимся утром.

Они вернулись в школу, где все еще работали криминалисты. Во всех окнах горел свет, здание обнесли желтой оградительной лентой, и повсюду валялись пластиковые полоски от полароидных снимков. Коридор разделили на секции. В наиболее «активных» зонах люди в белых, похожих на скафандры космонавтов костюмах работали со специальными пылесосами, всасывавшими мельчайшие пылинки. В других местах эксперты соскребали с окон кровь в крохотные пузырьки и брызгали на стены люминолом, выявляя все новые следы бойни. Стоявшие рядом полицейские прилежно фиксировали все находки, делая записи в журнал осмотра места преступления, объем которого вполне мог составить к утру три тетради.

Войдя в классную комнату, Рейни достала лупу и продолжила осмотр стен.

Она проработала еще два часа, а потом вдруг обнаружила, что воздух уже наполнился сосновым запахом и в чистом ночном небе выступили белые звезды.

Оставалась еще бумажная работа. Окружной прокурор хотел оформить к полудню официальные обвинения, для чего ему требовались полицейские отчеты. Родригес, конечно, будет настроен агрессивно. Тройное убийство при отягчающих обстоятельствах. Учитывая характер и масштаб преступления, можно было ожидать, что Дэниел О'Грейди будет незамедлительно предан суду без всяких скидок на возраст. Тринадцатилетний подросток представлял угрозу для общества. Он убил двух детей. Предал людей, с которыми жил. И напомнил горожанам, что зло может гнездиться рядом, в человеке, живущем по соседству. А раз так, то его следует изолировать, посадить за решетку до конца жизни.

У него не будет свиданий с девушками и выпускного бала. Он не женится и не заведет детей. Он проживет до восьмидесяти или девяноста лет, но не познает настоящей жизни.

Рейни не стала возвращаться в офис, а поехала домой. Она сидела на задней веранде под ночным небом и слушала, как ухают совы. Потом вошла в дом, сбросила пропахшую смертью форму и достала из холодильника бутылку пива.

Там, дома, вдалеке от любопытных глаз, Рейни прижала ко лбу холодную бутылку и долго сидела, думая о двух несчастных девочках, учительнице, Дэнни и себе самой четырнадцатилетней давности.

Там, дома, оставшись наконец одна, Лоррейн Коннер дала волю слезам.

Тот, кто наблюдал за ней, был одет в черное и держал в руках мощный бинокль. Бинокль он купил недавно, когда потребность видеть ее лицо, выражение, ясные серые глаза стала невыносимой. Бинокль дал новые возможности, и теперь у него кружилась голова.

Задняя веранда лежала перед ним как на ладони. В свете луны и фонаря ее стройная фигура открылась ему во всех деталях. Она плакала. *Плакала*.

За все время наблюдения он впервые видел такое проявление эмоций.

И впервые испытывал такое волнение.

Невероятно, но, хотя Бейкерсвиль привлек его внимание уже несколько лет назад, к Лоррейн Коннер это не имело ровным счетом никакого отношения. Впервые он заинтересовался городком, читая в Интернете статью под названием «Молочное хозяйство уничтожено наводнением. Обещано возродить». Журналист начал с мелодраматического описания подъема местных рек, проливных дождей и бушующих оползней, устремившихся с гор на прибрежный городок в конце февраля. Далее следовал рассказ о том, как сосед помогает соседу вывести на возвышенность стадо коров. Как прибывающая вода заливает нижние фермы, смывая с фундаментов целые дома и поднимаясь все выше и выше. Как, попав в плен ледяной воды, мычат от страха бедные коровы с большими влажными глазами. Как смывает с затопленных дорог трейлеры, спешащие на помощь животным. Как снимают с железных крыш забравшихся на них несчастных женщин и детей. Как фермеры скрепя сердце расстреливают изголодавшуюся скотину, дабы положить конец ее мучениям.

Вот так, писал журналист, выглядит городок, испытавший на себе гнев Господень.

А потом началась перестройка. Раздача хлеба. Инновационные программы, такие как «Прими корову», призывавшие городских детей и большие корпорации поддержать конкретную корову деньгами – на пропитание и крышу над головой. С полдюжины ферм, построенных на возвышенности и оставшихся нетронутыми стихией, открыли для соседей свои амбары, сеновалы и доильные залы. Город возвращался к жизни.

В конце статьи журналист приводил слова мэра: «Конечно, мы помогаем друг другу. Это же Бейкерсвиль. Мы сильные. Мы любим свой город. И мы знаем, что такое добро».

Вот тогда, после той статьи, он решил – Бейкерсвиль будет следующим. Идеальный городишко, идеальные людишки, восхваляющие свои идеальные *ценности*. Место, где все любят друг друга и где каждый каждому друг. Он хотел, чтобы они все сдохли.

Он был терпелив. Лучше многих понимал важность планирования. Хорошей рекогносцировки, как всегда говорил его отец. Смышленый солдат делает домашнюю работу.

Отец был безмозглым придурком. Но этому его совету он последовал, и домашнюю работу выполнил. Обозначил цель. Изучил вопрос. Собрал досье на политиков, школьную администрацию, репортеров, крупные организации, службу шерифа. Он планировал. Спешить было некуда. Куда важнее делать все правильно.

Он явит этому городишке гнев Господень. Он покажет им собственный гнев.

Потом на горизонте возникла Лоррейн Коннер. В первый раз он увидел ее вживую, когда, приехав с очередной разведывательной миссией, неторопливо прогуливался по городу. Увидел и остановился как вкопанный. Высокие скулы, гордо вскинутый подбородок. Серые глаза, прямой, твердый взгляд. Миленькой не назовешь, но внимание привлекает. Захватывает, так сказать, и не отпускает.

Это была женщина, которая точно знала, что и как делать. Ни намека на глупость, столь свойственную копам в таких вот городишках. Ни малейшего признака пивного животика, что ясно указывало бы на то, как именно она проводит пятничные вечера. Подтянутая, крепкая и, наверное, мастер в обращении с оружием.

Потом до него стали докатываться слухи.

Ее мать погибла четырнадцать лет назад. Жестокое, так и оставшееся нераскрытым убийство. Она ведь, знаете ли, пила. Пользовалась дочкой как боксерской грушей. Совсем стыд потеряла, шипели старые склочницы, и глазки их блестели, когда они представляли, как трогают твердую, молодую плоть. Все знали, что Молли Коннер добром не кончит.

Говорят, залпом из дробовика ей снесло всю ее дурную голову. Выше шеи ничего и не осталось. Только безголовое туловище, ноги в дешевых туфельках на четырехдюймовых каблуках да бутылка «Джима Бима» в руке. Как говорится, ушла в могилу с выпивкой. Хе-хе-хе.

Юная Рейни вернулась из школы и обнаружила кровавое месиво. По крайней мере, так она сказала копам. Вошла, увидела труп, вышла – а тут уже и полицейская машина подкатывает. Тогдашний заместитель шерифа – ну, вы его знаете, Шеп, нынешний шериф, – он первым и приехал. Говорят, мамочкины мозги у дочки с головы капали и на плечах лежали. Шеп наручники на нее надел да в участок и доставил.

Обвинения потом сняли. Эксперты утверждали, что мозги ей на голову с потолка свалились, когда она вошла, а если бы сама курок спустила, то они разлетелись бы по горизонтали. В общем, что-то в этом роде.

И вот что я вам скажу: по тому делу так никого и не осудили. Девочка вся в крови и прочем, а получается, что этого мало. Адвокаты. В том-то и проблема. Адвокаты.

А для Рейни, конечно, все хорошо закончилось. На нее и посмотреть приятно, не то что на мамашу. Да и коп она неплохой.

Здесь он с ними согласился. А потом сел за компьютер, пощелкал по клавиатуре и узнал о Рейни Коннер кое-что еще. Получила степень бакалавра психологии в Портлендском университете. Вернувшись в Бейкерсвиль, стала первой женщиной-полицейским в офисе шерифа. Экзамены в полицейской академии сдала с первого раза. Форму поддерживает, бегая по утрам. Три-четыре мили в неделю. Любимое чтиво – последний выпуск бюллетеня «Правоохранитель» Федерального бюро расследований. Преданная делу, основательная, внимательная и, по словам местных пьянчужек, весьма проворная для девушки.

Узнал он кое-что и о ее тщательно оберегаемой личной жизни. Да, она встречалась с мужчинами (по этому вопросу единого мнения в городе не сложилось), но только не с местными. Гуляла нечасто и долгих отношений ни с одним из любовников не поддерживала. На работу за ней никто не заезжал и домой никто не отвозил. Встречи проходили в ею же выбранном ресторане, потом парочка отбывала, предположительно к нему домой, откуда она уходила задолго до рассвета.

Похоже, секс был для нее удовлетворением потребности, и ничем больше. Его это восхищало.

Была у нее и еще одна любопытная привычка. Каждый вечер, приходя домой, она открывала бутылку светлого «Будвайзера». И каждый вечер, прежде чем отправиться спать, выливала содержимое на землю. В память о матери-пьянице, решил он. Вспоминала ли она в эти минуты покойную Молли Коннер? Вспоминала ли безголовый труп с бутылкой виски в руке и брызги серого вещества на потолке?

В частности, и поэтому он купил бинокль. Дело в том, что иногда, когда она сидела с пивом на веранде, губы ее шевелились, и это вызывало у него необъяснимый интерес, идущий дальше практических целей и задач разведки. Ему отчаянно, до безумия хотелось знать, что она говорит.

За тебя, мама?

Да пошла бы ты?

Он был очарован ею. Она стала его героиней. К тому же она добавляла кое-что особенное в планируемое им предприятие. Рейни Коннер – полицейская, и ей суждено найти его, решил он. Только она, она одна, способна признать его гений и мастерство. Наконец-то, спустя десять лет, он обрел достойного противника.

Вначале он не строил в отношении Бейкерсвиля каких-то особенных планов. Но потом они изменились. Он отложил бинокль. Еще раз посмотрел на пистолет и позволил себе небольшую роскошь – вспомнить прошедший день и еще раз пережить приятные моменты.

Пора уходить. Путь до отеля неблизкий, и в городе у него оставалось еще немало дел.

Глава 7

Среда, 16 мая, 8:00

ОПРОС ДЭНИЕЛА О'ГРЕЙДИ

15 мая 2000 г.

Я, сотрудник полиции Лоррейн Коннер, провожу опрос Дэниела Джефферсона О'Грейди, подозреваемого в убийстве трех человек в бейкерсвильской восьмилетней школе, во вторник, 15 мая 2000 г. Мне помогает сотрудник полиции Люк Хейз. Присутствует также окружной прокурор Чарльз Родригес. Подозреваемый ознакомлен со своими правами и от адвоката отказался. Время – 16:47.

КОННЕР: Дэнни, можешь рассказать, что случилось сегодня в твоей школе?

Молчание.

КОННЕР: Дэнни, ты меня слышишь? Ты понимаешь мой вопрос?

Молчание.

КОННЕР: Какой сегодня день, Дэнни?

Пауза.

О'ГРЕЙДИ: Вторник.

КОННЕР: Очень хорошо. Вторник – учебный день?

О'ГРЕЙДИ: Да.

КОННЕР: Ты ходил сегодня в школу?

О'ГРЕЙДИ: Да.

КОННЕР: Когда ты пошел сегодня в школу?

О'ГРЕЙДИ: Утром.

КОННЕР: Ты пошел в школу с сестрой? С Бекки?

О'ГРЕЙДИ: Ага. Нас отвезла мама. Бекки не любит ездить на автобусе. Автобус задавил кошку.

КОННЕР: Печально. Бекки ведь любит животных, да?

О'ГРЕЙДИ: Да. Она чудна́я.

КОННЕР: Ты в этой одежде был сегодня в школе? В черных джинсах и черной футболке?

О'ГРЕЙДИ: Да.

КОНЕНЕР: Часто носишь черную одежду?

О'ГРЕЙДИ: Не знаю.

КОННЕР: Сегодня ты оделся во все черное, потому что была какая-то особенная причина?

Молчание.

КОННЕР: Дэнни, ты был сегодня утром на уроках?

О'ГРЕЙДИ: Да.

КОННЕР: Ты ведь учишься сейчас в седьмом классе? Кто твой учитель?

О'ГРЕЙДИ: Мистер Уотсон.

КОННЕР: Мистер Уотсон хороший учитель? Он тебе нравится?

О'ГРЕЙДИ: Нормальный.

КОННЕР: Какие уроки были у тебя утром?

О'ГРЕЙДИ: Утром у нас был английский, потом математика. А потом должна была быть географическая игра. На карте, по столицам…

КОННЕР: Но игры не было, да, Дэнни?

Молчание.

КОННЕР: Ты ходишь в школу с рюкзаком?

О'ГРЕЙДИ: У меня есть рюкзак.

КОННЕР: Сегодня что ты принес в рюкзаке?

Молчание.

КОННЕР: Дэнни, у тебя в рюкзаке было два пистолета? Ты принес оружие в школу?

Пауза.

О'ГРЕЙДИ: Наверное.

КОННЕР: Где ты взял это оружие? Оно твое?

О'ГРЕЙДИ: Нет. (*Пауза.*) Папино.

КОННЕР: Ты взял его из ящика?

О'ГЕЙДИ: Из оружейного сейфа.

КОННЕР: Из сейфа? Он был не заперт?

О'ГРЕЙДИ: Заперт. На замок. Папа всегда запирает сейф на замок.

КОННЕР: Тогда как же ты взял оружие?

О'ГРЕЙДИ: Я же умный. Очень умный.

Пауза.

КОННЕР: Хорошо, Дэнни. Ты умный. Ты смог открыть отцовский сейф, взять два пистолета и принести их в школу. И что сделал потом умница Дэнни?

Молчание.

КОННЕР: Ты стрелял в школе? Ты открыл стрельбу в коридоре?

Молчание.

КОННЕР: Дэнни, я пытаюсь помочь тебе. Но чтобы это сделать, мне нужно знать, что случилось сегодня в школе. Две маленькие девочки и учительница, они мертвы, Дэнни. Понимаешь? Мертвы.

Пауза.

О'ГРЕЙДИ: У меня бабушка умерла. Мы ходили на похороны.

КОННЕР: Твои родители плакали? Смерть их опечалила? Ты видел, как плакал твой отец. Понимаешь, почему он плакал?

О'ГРЕЙДИ: Да. (*Едва слышно.*) Да.

КОННЕР: Что случилось днем в школе, Дэнни? Что ты сделал? Ты просто так разозлился, да?

Молчание.

О'ГРЕЙДИ: Я умный.

КОННЕР: Дэнни, ты убил тех двух девочек? Ты стрелял по своим одноклассникам?

О'ГРЕЙДИ: Я – умный. Я – умный, умный, умный!

КОННЕР: Ты убил тех девочек, Дэнни?

О'ГРЕЙДИ: Да! Да, я! Я – умный!

КОННЕР: Почему, Дэнни? Почему ты это сделал? (*Слышно, как распахивается дверь.*)

ДЖОНСОН: Меня зовут Эвери Джонсон, и я представляю Дэниела О'Грейди. Опрос закончен.

КОННЕР: Почему, Дэнни? Почему?

ДЖОНСОН: Не отвечай…

КОННЕР: Скажи мне, почему! Почему ты убил тех маленьких девочек, Дэнни?

О'ГРЕЙДИ: Мне страшно.

Сидя в кресле «Боинга-747», специальный агент по надзору Пирс Куинси снял наконец наушники и отложил магнитофон. После вылета из Сиэтла он уже трижды прослушал опрос последнего на данный момент обвиняемого в массовом убийстве. У него еще оставалось немного времени записать кое-какие мысли в блокнот, купленный в спешке в аэропорту Сиэтл-Такома. На обложке красной книжечки Куинси написал: ДЕЛО № 12. ДЭНИЕЛ ДЖЕФФЕРСОН О'ГРЕЙДИ. БЕЙКЕРСВИЛЬ, ОРЕГОН.

Подошедшая стюардесса взяла пустую чашку, чтобы освободить побольше места, и обворожительно улыбнулась. Куинси машинально улыбнулся в ответ и тут же, прежде чем у нее возникнет желание начать разговор, оборвал зрительный контакт. Мысли его были все еще заняты школьниками и теми силами, что толкают их убивать.

На протяжении последних лет Куинси получил от стюардесс немало таких вот очаровательных улыбок. И пусть темные волосы слегка посеребрились на висках, в свои сорок пять он оставался привлекательным мужчиной – высокий, крепкий, подтянутый и хорошо одетый. Он и подавал себя соответственно. Бывалый, многое повидавший, знающий свой курс, верящий в силу вежливости и не терпящий тупиц. На жизнь Куинси зарабатывал тем, что за пять дней успевал побывать в четырех американских городах и выслеживал самых опасных хищников из тех, что произвела на свет человеческая раса. Его открытый проницательный взгляд задевал сокровенные струны у одних и вгонял в страх других.

Особенно часто это случалось во время командировок, когда в кейсе у него лежали фотографии с мест отвратительнейших и жестоких убийств. Прослужив пятнадцать лет, он приобрел привычку тасовать фотографии, как игральные карты, и это действие вызывало у него двоякое чувство: он гордился своей объективностью и печалился из-за собственного бессердечия.

Тот факт, что когда из Квантико позвонили насчет стрельбы в бейкерсвильской школе, Куинси оказался на Западном побережье, был чистым совпадением. Он не занимался обычным делом – не изучал убийц и не проводил занятия по методике расследования убийств в Академии ФБР в Вирджинии, – потому что находился в отпуске. Но в последнюю неделю его известили об обнаруженной в Сиэтле, на федеральной автотрассе 5, задушенной проститутке. Местная полиция заподозрила, что преступление может быть как-то связано с серией убийств, совершенных в восьмидесятые печально знаменитым Убийцей с Зеленой реки, поймать которого так и не удалось. Годом ранее Куинси изучал материалы того расследования в рамках проекта по закрытию старых дел. К сожалению, никаких свежих зацепок найти не удалось. И тут – новое убийство…

Заместитель директора, лично сообщивший Куинси эту новость, посоветовал оставаться дома.

– Бывает так, что человеку необходимо побыть дома, – сказал он. – Мы понимаем. Скорее всего, это дело совсем другого свойства. Я бы не хотел, чтобы вы беспокоились из-за него.

Куинси поблагодарил начальника за заботу, после чего отправился в аэропорт Даллеса, купил билет на самолет до Сиэтла и поднялся на борт. Его младшая дочь возвращалась на следующий день в колледж, бывшая жена не стала бы разговаривать с ним, даже если бы он остался, а что касается старшей дочери, Аманды… Сделать что-то для Аманды Куинси больше не мог. Что случилось, то случилось, и, откровенно говоря, без работы он бы не протянул.

До своего перевода пять лет назад в отдел бихевиористики[6] спецагент Куинси успел заработать репутацию одного из лучших профайлеров Бюро. В среднем за каждый год ему приходилось иметь дело со ста двадцатью серийными насильниками, убийцами и похити-

[6] Бихевиористика – наука о поведении человека.

телями детей. Он преследовал людей с коэффициентом интеллекта на уровне гениальности, заманивая их в ими же сплетенные сети. Он анализировал залитые кровью места преступлений и находил тот самый ключик, который открывал главные двери. Он спасал жизни и допускал ошибки, стоившие кому-то жизни.

Куинси знал, как справляться с такого рода стрессом. Его бывшая жена Бетти неизменно заявляла, что он просто не умеет жить по-другому. По ее словам, его мир был так же темен и мрачен, как и мир анализируемых им убийц и садистов, и, не имея на руках какого-нибудь запутанного убийства, он элементарно не знал, чем себя занять.

Куинси нисколько не беспокоил собственный имидж, и никаких попыток улучшить или поправить его он не предпринимал. Работа накладывала свой отпечаток. Когда постоянно имеешь дело с проявлениями крайнего насилия и жестокости, потерять перспективу совсем не трудно. Едва ли не каждая городская ярмарка становилась местом, где в поисках новых жертв рыщут похитители-педофилы. Во всех подвалах – стоит только вскрыть пол – можно было обнаружить человеческие останки. Все студенты-правоведы – на первый взгляд милые симпатичные люди – рассматривались как тайные психопаты.

Сказать по правде, Куинси никогда бы не согласился сесть в «Фольксваген-жук», автомобиль, предпочитаемый многими серийными убийцами. Просто отказался бы.

А еще он не смог бы видеть, как умирает его дочь.

Убийство проститутки в Сиэтле оказалось обычным, одноразовым преступлением, не связанным ни с какими другими, и след в конце концов привел полицию к проезжавшему по этой автостраде водителю-дальнобойщику. Куинси дошел до того, что взялся просматривать старые дела по нераскрытым убийствам, оправдываясь тем, что свежий взгляд может зацепиться за не замеченное другими, а на самом деле всячески оттягивая возвращение домой, где он был бы уже не Суперагентом, побеждающим самых отвратительных злодеев, а Беспомощным Родителем, покорно, как самый обычный человек, ожидающим у больничной кровати неизбежного конца.

А потом тринадцатилетний мальчик в Орегоне пришел в свою школу и открыл огонь, чем, если можно так выразиться, и спас спецагента Куинси.

Как и большинство американцев, он обратил лишь мимолетное внимание на трагический инцидент, случившийся в ноябре 1995 года в ричлендской средней школе Линвиля, штат Теннесси. Там в результате стрельбы два человека погибли и один был ранен. Крохотный городок с населением в 353 человека казался слишком далеким, чтобы иметь какое-то отношение к Куинси, а внезапный всплеск насилия выглядел изолированным событием. Однако тремя месяцами позже нечто похожее повторилось в городке Мозес-Лейк, штат Вашингтон. Двое убитых, двое раненых – и шестнадцатилетний стрелок, пригласивший друзей наблюдать его кровавый разгул с галереи. Восемь месяцев спустя шестнадцатилетний Люк Вудман убил троих и ранил семерых в городе Перл, штат Миссисипи. Еще через два месяца трое школьников погибли в средней школе Вест-Падука, штат Кентукки. И далее та же картина: Джонсборо, штат Арканзас; Спрингфилд, штат Орегон; Литтлтон, штат Колорадо; Форт-Гибсон, штат Оклахома. Другие школы, другие трагедии – незаживающие шрамы в сознании нации.

Заголовки кричали об эпидемии насилия, захватившей американскую молодежь. Во всем виноваты видеоигры, утверждали одни. Слишком много оружия, неполные семьи. Или, может, предъявлять претензии следует Голливуду, Капитолию или Джерри Спрингеру[7]. Так или иначе, нужно что-то делать, волну надо остановить. Запретить оружие, ввести цен-

[7] Джеральд Норман Спрингер (р. 1944) – американский телеведущий, продюсер, актер и политик. В своих телепередачах активно освещал скандальные социальные темы, зачастую связанные с различного рода насилием, а во время его эфиров часто вспыхивали драки.

зуру мультфильмов, установить металлодетекторы, внедрить дресскод… сделать хоть что-нибудь.

В ФБР, в отделе бихевиористики, специалисты вроде Куинси не могли прийти к единому мнению. Стрельба в школе – новый тренд или статистическая аномалия? Что мотивировало этих, казалось бы, нормальных, детей? Внешние силы, такие как средства массовой информации, или ответ следует искать в некоем более глубоком эволюционном сдвиге?

Что на самом деле толкало тинейджеров к убийствам и как предотвратить расстрелы в школах?

Готовых ответов не было даже у ведущих экспертов в Квантико.

И это их пугало, потому что и у них тоже были дети.

Шесть месяцев назад Куинси начал большой исследовательский проект, ставивший целью проникнуть в мозг юного убийцы и попытаться понять, чем ему можно помочь и что нужно сделать, чтобы такое не повторялось в будущем. На практическом уровне предполагалось изобрести систему, которая способствовала бы обнаружению потенциальных убийц и которую взяли бы на вооружение как школьные администраторы, так и правоохранительные органы. Куинси также надеялся сформулировать для родителей и учителей эффективную программу действий в отношении потенциально склонных к насилию подростков.

Идентифицировать будущего стрелка – легко сказать, да трудно сделать.

В отличие от серийных убийц, преступники, совершающие массовые убийства, не представляют собой однородной массы. Человек может впасть в состояние бешенства, слепой ярости из-за множества причин: плохой день, внешнее влияние, неустойчивая психика, напился/накурился/ширнулся, что-то не так в личной жизни. Кому-то нужна слава, кто-то ищет мести, а кто-то хочет умереть. Массовые убийства совершают молодые и старые, богатые и бедные, невежественные и образованные, коллективисты и одиночки. Они могут действовать спонтанно или в соответствии с тщательно продуманным планом.

Во многих случаях преступники, совершившие массовое убийство, кончают с собой, затрудняя таким образом получение необходимой информации. Что подвело человека к роковой черте? О чем он думал, творя кровавый шабаш? Повторил бы то же самое при следующем удобном случае или произошедшее было разовым всплеском насилия? По большей части никто этого не знал.

Лучшее, что могли сделать эксперты, это провести так называемую «оценку степени риска» личности, используя список поведений, характерных, согласно статистике, для лиц, совершивших массовое убийство. Итак, они:

1. Замечены в устойчивой склонности к насилию – избиение жены, надругательство над ребенком, драки и т. п.

2. Вызывают у окружающих «субъективный страх». После трагедии всегда находятся соседи или коллеги, утверждающие, что испытывали к этим людям «чувство неприязни»: избегали их на работе, не позволяли своим детям играть с ними, старались не оставаться с ними наедине и т. д.

3. Демонстрировали антиобщественное поведение: склонность к уединению или намеренному нарушению общепринятых норм и правил.

4. Отличались отсутствием навыков общения.

5. Часто прибегали к угрозам, реалистичным или пустым.

6. Не имели системы поддержки, т. е. происходили из неполных семей, не имели друзей и т. д.

7. Чувствовали себя обиженными – жизнью, старшими, супругой и т. п.

8. Значительное время испытывали ситуационный стресс – потеря работы, угроза развода, смерть в семье и т. п.

Контрольный перечень представлялся Куинси не таким уж плохим инструментом. Отделы кадров многих крупных корпораций регулярно пользовались им для выявления потенциально опасных служащих. После участившихся случаев стрельбы в школах администрации последних затребовали такого же рода информацию для собственного пользования.

К сожалению, когда речь заходила о применении перечня к юным правонарушителям, некоторые его формулировки оказывались довольно расплывчатыми. Что такое «ситуационный стресс» для одиннадцатилетнего мальчика? Брекеты? Прыщик на лице? Ссора с другом? Что такое «устойчивая склонность к насилию» для ученика восьмилетней школы? Увлечение агрессивными видами спорта? Бросание камнями? Отрывание крылышек у мух?

А если принять во внимание, сколько детей растет в неблагополучных семьях и что едва ли не каждый подросток чувствует себя глубоко и несправедливо обиженным жизнью, то статистика выдаст просто невероятное, удручающее и вгоняющее в пессимизм число будущих маньяков.

Понять детей и предсказать их поведение взрослым бывает трудно даже в благоприятных обстоятельствах. Навыки общения у них ограничены и не развиты, гормоны играют в полную силу, и еще они считают, что все должно случиться и произойти именно сейчас, сегодня, незамедлительно, не думая при этом о долгосрочных последствиях.

В общем, чем больше Куинси выяснял, тем лучше понимал, сколь многое еще предстоит узнать. Проект обещал растянуться надолго. На годы. И все это время, которое он мог бы потратить с пользой для себя, на общение с семьей, придется провести с детьми, убившими детей.

Задача одновременно интриговала и отталкивала, к чему он, впрочем, давно привык.

Загоревшееся табло напомнило о необходимости пристегнуть ремни. Самолет заходил на посадку. Куинси убрал магнитофон и блокнот с записями. Задумчиво нахмурился.

Информации по делу было пока что мало, но некоторые моменты уже привлекли его внимание. Прежде всего расстрел учительницы. Одной пулей, точно в лоб. Надо побольше узнать о ее с Дэнни отношениях. Второй момент – время стрельбы. Почему после возвращения учащихся в классы? На взгляд Куинси, такая стратегия имела целью ограничение ущерба, как если бы стрелок не хотел больших жертв.

И наконец, дознание. Судя по тону голоса, ребенок был в шоке – не самое лучшее состояние для основательного допроса. К тому же и проводившая его полицейская, выбрав верную тактику и попытавшись разговорить мальчика простыми вопросами, использовала слишком много наводящих. С детьми такой прием опасен, поскольку они в этом случае склонны давать не правильный ответ, а тот, которого, по их мнению, ждут взрослые. Обеспокоило Куинси и повторявшееся Дэнни несколько раз упоминание о том, что он «умен». Его определенно требовалось спросить кое о чем еще.

Согласится ли адвокат дать разрешение на еще один допрос? И будет ли местная полиция расположена принять его помощь в расследовании?

Специальный агент по надзору Пирс Куинси улыбнулся.

Местная полицейская встречает федерала с распростертыми объятиями? Едва ли. Он уже делал ставки, каким именно приветствием встретит его Лоррейн Коннер.

Глава 8

Среда, 16 мая, 11:08

– Слушай меня, говнюк. Сбегаешь еще раз к окружному прокурору у меня за спиной – и я свяжу тебя по рукам и ногам, вывезу в поле и лично угощу коровьими лепешками бейкерсвильского производства. Понял?

– Мне просто понадобилась кое-какая информация…

– Ты пытался утащить у меня дело!

– Только после того, как выяснилось, что вам недостает квалификации, чтобы вести его.

Глаза у Рейни полезли на лоб, а на губах появился вкус пены. День не задался с раннего утра, с жесткого и резкого разговора с Эйбом Сандерсом в семь часов. Добиться полной ясности, однако, не получилось, потому уже спустя несколько часов, в начале двенадцатого, у нее возникло неодолимое желание сбить с наглеца спесь и поставить его на место. Да как он посмел просить прокурора отстранить ее от расследования и передать дело в ведение полиции штата?!

Был бы умнее, не стал бы связываться с женщиной, оторвавшей у ночи лишь четыре часа сна!

Рейни вышла из-за стола – точнее, положенного на козлы листа фанеры, – наспех установленного в новеньком «оперативном центре» для бейкерсвильской следственной группы. В действительности командный пункт располагался в мансарде муниципалитета, помещении душном и пыльном, но зато ей удалось конфисковать в офисе мэра кофейник и кулер. Благодаря этим приобретениям новый центр уже мог дать сто очков вперед офису службы шерифа, размещавшемуся на площади двадцать на двадцать футов.

Утро началось для Рейни в половине пятого, с хорошей пробежки. Спалив нервную энергию и избавившись от отложившегося в мышцах напряжения, она отпечатала оставшиеся с вечера отчеты, поговорила с мэром насчет предоставления ее опергруппе дополнительного помещения и приготовилась к встрече с Эйбом. Рейни думала, что теперь они обсудили и приняли совершенно ясные для обеих сторон базовые правила. Расследование требовало тесного сотрудничества местной полиции с правоохранительными органами штата. Предполагалось, что Эйб будет заниматься привлечением необходимых ресурсов, обработкой вещественных доказательств и организацией работ на месте преступления, а также, учитывая его значительный опыт, поможет следствию советами. Рейни, со своей стороны, предоставит людские ресурсы – себя, Люка и трех волонтеров – для проведения опросов и оформления документации. Они лучше знали местное население и могли рассчитывать на более успешное, чем приезжие полицейские, сотрудничество с родителями и школьной администрацией.

Понимая, что ей не обойтись без посторонней помощи в отыскании новых улик, Рейни охотно уступила Эйбу первенство в работе на месте преступления и с компьютерами. Но она не могла, не хотела и не была обязана передавать расследование под юрисдикцию полиции штата. Всё. Точка.

По крайней мере так виделась ей диспозиция в семь часов утра.

– Вы все напутали, все осложнили. У вас нет никакого опыта, и это заметно, – так говорил теперь Эйб Сандерс, явно обеспокоенный тем, что она не поняла посланный им сигнал с первого раза.

– Я сохранила место преступления и арестовала убийцу. Какой позор!..

– Вы все там затоптали, – поморщился Сандерс. – Подумать только, допустили на место преступления санитаров! Вы разве не видели, что они там натворили? Уж вызвали бы сразу пожарную бригаду и закатили вечеринку!

– Я приказала Уолту оставаться снаружи. Он предпочел ослушаться. За что Брэдли Браун обязан ему жизнью.

– Брэдли Браун мог выжить и без его помощи.

– Мог выжить? А мог и не выжить, да? Это вы так рассуждаете?

Сандерс, однако, стоял на своем.

– Санитары нарушили целостность места преступления. Это очевидный факт. К ним следует добавить бегавших за детьми родителей и учителей, пытавшихся пересчитать школьников по…

– Мы выехали к месту происшествия сразу же, как только получили вызов. Есть и еще один очевидный факт. Школа расположена посредине жилого района, в пятнадцати минутах езды от нас. Так что здесь мы ничего поделать не можем.

– Хорошо. Но что сделали по прибытии вы лично? Произвели выстрел? Находясь на месте преступления? – Он вскинул бровь.

– Подозреваемый в убийстве навел на меня оружие! – сердито бросила Рейни. – Как ни дорого мне место преступления, умирать ради сохранения его целостности я не собираюсь.

– Вот! Теперь понятно. Вы испугались за свою жизнь, поэтому выстрелили в потолок. Признаю свою ошибку. Теперь мне все ясно.

– Вы несносный…

Рейни сдержалась, сжав кулаки. Досчитала мысленно до десяти и вдруг заметила появившегося в дверном проеме еще одного мужчину в аккуратно выглаженном костюме. Господи, да откуда же они берутся?

Усилием воли она разжала кулаки и постаралась принять более сдержанный тон.

– Как я указала в отчете – который вы, детектив, несомненно, прочитали, отредактировали и сочли неприемлемым по причине использования шрифта неустановленного образца, – в последний момент отец подозреваемого бросился вперед, и мне пришлось изменить направление огня.

– Готовы палить без разбору? Так и напишете в отчете?

– Послушайте, вы когда-нибудь применяли оружие на службе? Попадали на линию огня? Палить без разбору… да что вы об этом знаете?

Сандерс нахмурился. Похоже, Мистер Совершенство на передовой так и не побывал. И кому здесь недостает опыта?… Увы, триумф ее оказался коротким.

– Вот тут мы и подходим к проблемам с арестом, – живо вставил детектив.

– Каким проблемам?

– Во-первых, с признанием. Вы уже разговаривали об этом с окружным прокурором?

– Всё прошло по правилам. Я специально позвала Родригеса.

– Очевидно, не всё. Адвокат О'Грейди уже пытается оспорить признание и…

– А вы думали, он попросит считать его уликой?

Сандерс сделал вид, что сарказм его не задел.

– Адвокат утверждает, что ребенок сделал признание в состоянии шока и не мог в полной мере сознавать свои права. Он также указывает, что вы задавали наводящие вопросы, а это недопустимо при допросе несовершеннолетнего. Его мнение разделяют с десяток экспертов, согласных в том, что вы практически вложили нужные слова в рот Дэнни, заставив его произнести именно то, что вам хотелось услышать.

– По-вашему, я хотела услышать, что сын моего босса убил трех человек, – проворчала Рейни и махнула рукой: – Ладно. Не важно. Так или иначе, у нас есть положительный

результат по пороховому следу и два орудия убийства. Вполне достаточно, чтобы построить железобетонное обвинение.

Сандерс позволил себе намек на улыбку, и Рейни, впервые за все время, поняла, что у них серьезные неприятности.

– Да. На руках и одежде Дэнни О'Грейди действительно обнаружен пороховой след. – Он вдруг заговорил тоном надменного адвоката. – Это правда, что вы выстрелили на месте преступления из служебного оружия?

– Да, выстрелила. И, как я уже объяснила…

– Вам известно, что пистолет при выстреле выбрасывает несгоревшие частицы пороха и пороховые газы?

– Конечно, но я не стояла рядом с Дэнни…

– Но ведь след остался у вас на руках, не так ли? И разве вы не обыскивали подозреваемого, Дэнни О'Грейди? Разве вы не касались его одежды, рук, когда искали оружие, когда надевали на него наручники? И разве найденные частицы не могли попасть на него с ваших рук после того, как вы произвели выстрел?

Ошеломленная услышанным, Рейни не нашлась что сказать. Господи, как же она не подумала об этом?… Все произошло так быстро. Сначала она изо всех сил старалась не застрелить Шепа или его сына. Потом требовалось как можно скорее обезвредить Дэнни. И что ей было делать? Сказать подозреваемому в убийстве, чтобы он, как хороший мальчик, подождал, пока она сбегает в туалет помыть руки?

– Лаборатория может сделать еще несколько тестов, – пробормотала Рейни в отчаянии. – Порох ведь бывает разный. Может быть, они сумеют определить, какие частицы от его оружия и какие от моего.

– Конечно, они постараются, – уверил ее Сандерс уже нормальным тоном. – Но мы пока что не знаем, возможно ли это. Дэнни, похоже, воспользовался боеприпасами отца, а Шеп, к вашему сведению, заказывает патроны для себя и отдела у одного и того же поставщика. Интересно, да?

У Рейни разболелась голова. Она даже едва не потерла виски, но подумала, что не может позволить себе такую слабость перед Сандерсом. Да еще этот незнакомец, стоявший у двери с таким видом, будто ему и идти больше никуда не надо… Рейни решила, что если это репортер, его придется убить.

– Орудие убийства у нас по крайней мере есть? – спросила она, поскольку уликами занимался именно он.

– БАТО[8] забрало оружие на баллистическую экспертизу. Результатов пока еще нет.

– Но что еще они могут? В крайнем случае у нас есть отпечатки Дэнни на оружии. Это уже кое-что.

– На оружии отпечатков нет.

– Что? Не может быть. Я своими глазами видела оружие в его руках. И Шеп вышел из школы раньше меня. Стереть отпечатки никто не мог.

– Начисто их и не стерли, но смазали изрядно – ни одного чистого не осталось. Это мог сделать опытный полицейский, притворившись, что вырывает оружие из рук мальчика.

– Нет. – Рейни покачала головой.

– Почему нет? Потому что Шеп – ваш босс? Потому что вы у него в долгу?

– Не надо так. Это здесь совершенно ни при чем.

Сандерс, однако, гнул свою линию:

[8] БАТО (*англ.* ATF) – Федеральное бюро по контролю за соблюдением законов об алкогольных напитках, табачных изделиях, огнестрельном оружии и взрывчатых веществах.

– Очень даже при чем. В руках опытного защитника значение будет иметь даже постер с Энди Гиббом[9], который вы целовали каждый вечер, когда вам было двенадцать. Я тут поспрашивал, навел справки… Вас ведь арестовывали за убийство четырнадцать лет назад, верно? Вам было тогда семнадцать. Арестовывал вас некий Шеп О'Грейди. И человеком, благодаря которому обвинения были сняты, оказался также некий Шеп О'Грейди.

– Он понял, что ошибся.

– Кому это интересно? Факт остается фактом: вы вместе работаете, вы обедаете в его доме, четырнадцать лет назад он помог вам выпутаться из большого переплета, а потом, шесть лет спустя, еще и дал вам работу, что до сих пор вызывает вопросы у некоторых людей. Думаете, это все не всплывет во время суда? Шеп защищает Дэнни, а вы защищаете Шепа. И вы трое оказались на месте преступления. Кроме вас, там никого не было. Признайтесь, процедура действий в этом деле нарушена.

– Ничего неподобающего в здании школы не произошло. Вас, детектив, на месте не было. И вы не знаете, что там происходило.

Сандерс немного помолчал, а потом заговорил, негромко и с ноткой угрозы:

– Не знаю. Но, думаю, вы этого тоже не знаете. Шеп свалил ответственность на вас еще до прибытия на место преступления. Почему? Когда вы прибыли туда, его машина уже стояла возле школы, но сам он не показывался еще целых сорок пять минут. Где был шериф? Что он делал?

– Шеп уже объяснил, что все это время Дэнни держал его заложником в классе.

– Вы знаете это наверняка? Кто-то из нас вообще знает что-то наверняка? Насколько я могу судить, за то время, что вы осматривали школу, никто из них даже голову не высунул из класса. Они появились только тогда, когда вы уже были готовы туда войти. А дальше вы оказываетесь в центре маленького спектакля, в ситуации, волшебным образом вынуждающей вас произвести выстрел и уничтожить ключевую улику – и одновременно позволяющей Шепу О'Грейди скомпрометировать две другие ключевые улики. Чертовски удобно, как мне представляется.

Рейни недоверчиво покачала головой:

– По-вашему, Шеп специально подстроил стычку полицейского со своим сыном в расчете на то, при этом будут уничтожены улики против Дэнни?

– Шеп рассчитывал не просто на какого-то полицейского. Он делал ставку на вас. Вы знаете Дэнни восемь лет. Все в городе говорят, что вы и Люк помогали О'Грейди с сыном, приглядывали за ним чуть ли не каждый день в офисе. Учитывая все это, каковы были шансы на то, что вы откроете огонь?

– Шеп – хороший полицейский. Он не стал бы фальсифицировать улики.

– Он – отец. Не обманывайте себя.

– Я была там. Я все видела и знаю, что случилось.

– Ну конечно. Шеп уже ходит по городу, утверждая, что с уликами есть проблемы и он уверен, что его сын выйдет на свободу. Кто, по-вашему, показал, что вы выстрелили до того, как обыскали Дэнни? Кто, по-вашему, утверждает, что достоверных улик не существует? У Шепа есть свой план. Вы просто не хотите этого видеть и поэтому должны передать дело тому, кто абсолютно объективен. Тому, у кого есть опыт.

– Тому, кто любит покрасоваться перед камерой.

Сандерс раздраженно покачал головой.

– К вашему сведению, девяносто процентов моих дел заканчиваются обвинительным приговором. Можете ненавидеть меня, если вам хочется, но выкажите чуточку уважения. Вы

[9] Эндрю Рой Гибб (1958–1988) – британский певец в стиле поп и диско, участник знаменитой группы Bee Gees.

держитесь за это дело из самолюбия. Я же хочу довести расследование до обвинительного приговора, чтобы все могли жить дальше.

– В таком случае вы просто идиот, – отрезала Рейни. – Неужели вы и впрямь думаете, что нам всем станет лучше, если тринадцатилетнего мальчика упрячут за решетку? Что мы подведем черту и вздохнем с облегчением? Не знаю, как кто, но лично я буду до конца жизни, проезжая мимо школы, спрашивать себя, что на самом деле произошло там в тот день. И этим же вопросом будут задаваться все родители и учителя. Что толкнуло мальчика на убийство? Почему должны были умереть две девочки? Почему мы не смогли это предотвратить?… Городу нужен не столько арест, сколько объяснение, и я намерена найти это объяснение. А теперь, детектив, выкатывайтесь из моего офиса, и, когда в следующий раз будете разговаривать с Родригесом, вытащите палку из задницы. На пользу делу это точно не идет.

Рейни вернулась за свой стол. Села. И секундой позже испытала мстительное удовлетворение, услышав, как Сандерс сердито протопал к выходу. Вот только настроение от этого лучше не стало. Она уже начала уставать от их баталий.

И не только уставать, но и падать духом. Сандерс был прав: накануне она облажалась. Старалась, делала все что могла, но в системе криминальной юстиции это ничего не значило. Она арестовала подозреваемого, но уничтожила вещественное доказательство. Если так пойдет дальше, ей самое место в полиции Лос-Анджелеса.

И доверие к ней серьезно пошатнется. Люди до сих пор шепчутся. Естественно, городок ведь маленький. И если не сплетничать долгими дождливыми зимами, то все просто рехнутся.

Рейни Коннер буйная. С нею надо поосторожнее. Она собственную мать убила.

Рейни вздохнула и вдруг заметила, что незнакомец в темно-синем костюме все еще стоит в дверном проеме и смотрит на нее.

– Чем могу помочь? – отрывисто бросила она.

– Вы – Лоррейн Коннер?

– Не знаю. А кто спрашивает?

Незнакомец улыбнулся краешком рта. При этом в уголках глаз у него разбежались морщинки, отчего Рейни на мгновение растерялась. Сухощавое, как у охотника, лицо. Пронзительные голубые глаза. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы разорвать зрительный контакт. Кем бы ни был незнакомец, он странным образом смущал ее, и она уже хотела поскорее избавиться от него.

– Специальный агент ФБР по надзору Пирс Куинси.

– Вот же дерьмо.

Он опять сухо улыбнулся. И Рейни снова стало не по себе. Вот бы сейчас бутылку пива…

Фэбээровец вошел в комнату и, не дожидаясь приглашения, сел.

– Если я правильно понял, этот джентльмен из полиции штата?

– Мистер Совершенство – детектив из отдела убийств полиции штата. Да поможет нам Бог.

– Девяносто процентов обвинительных приговоров – показатель впечатляющий.

– Как и способность к внушению. Стоит поговорить с ним пять минут, и уже хочется стукнуть его чем-нибудь тяжелым.

– Проблемы с расследованием?

– Я сильно напортачила, – призналась Рейни.

– И теперь почиваете на лаврах?

– Едва ли. Планирую новое наступление.

У него опять дрогнул уголок рта. Ей, конечно, было приятно видеть такую реакцию гостя, но желания потрепаться не возникло. Она подалась вперед и без лишних слов перешла к делу:

– Что вам нужно? Я устала, у меня на руках тройное убийство, и я не собираюсь передавать дело кому бы то ни было. Это так, для вашего сведения.

– Я здесь, чтобы помочь…

– Чушь.

– О'кей. Я еще и бюрократ, направленный сюда, чтобы мешать вам вести расследование и ставить под вопрос ваши способности.

– Наконец-то. Редкая откровенность для правоохранительных органов.

– Мне также нужно поговорить с Дэниелом О'Грейди.

Рейни откинулась на спинку стула. В это она поверила. Просто не была уверена, что именно это значит.

Отклонившись назад, так что стул стоял теперь только на задних ножках, Рейни положила на стол одну ногу, а потом и вторую. Икры еще болели после утренней пробежки. Она окинула спецагента Пирса Куинси еще одним оценивающим взглядом.

Человек с опытом, сделавший хорошую карьеру. За сорок, на висках уже заметна седина. Волосы ухоженные, коротко подстрижены. Безупречный костюм. Спецагент Куинси производил впечатление человека сильного и уверенного в себе, и Рейни могла бы побиться об заклад, что имидж этот он создает и поддерживает сознательно. В какой-то особенной помощи он определенно не нуждался – об этом говорил его взгляд, твердый, прямой, пронзительный. Эти голубые глаза наверняка повидали всякого. И на себя он принял немало. Теперь ничто не могло его превозмочь. Рейни даже позавидовала.

– Вы – профайлер? – спросила она, уже зная ответ.

– Я немного занимаюсь профайлингом. А также преподаю и веду исследовательскую работу по нескольким темам в отделе бихевиористики.

– Вы изучаете серийных убийц.

– Серийных убийц, насильников и педофилов, – сказал он с невозмутимым видом и, помолчав, добавил: – Твердая гарантия приятных снов.

– Чего вы хотите от Дэнни? Он подозревается в массовом убийстве. Массовое убийство совсем не то, что серийное.

– Очень хорошо. Плюс к тому, он еще и несовершеннолетний убийца. Вот уже и два отличия. К сожалению, мы пока недостаточно хорошо понимаем эти отличия, чем и объясняется мое новое назначение.

Рейни вскинула брови.

– Так вы изучаете случаи стрельбы в школах?

– Совершенно верно.

– И вы ездите по городам и расследуете убийства детей другими детьми?

– Да.

Рейни покачала головой, даже не зная, как на это реагировать – изумляться или ужасаться.

– С ДТП я справляюсь, – сказала она. – Пьяные заварушки, драки, даже домашние разборки – это мне по силам. Но то, что случилось вчера в школе… Как вы можете заниматься этим постоянно? Как вам удается засыпать и не просыпаться каждую ночь от собственного крика?

– При всем уважении, мой опыт по части насильственных преступлений побольше вашего.

Рейни состроила гримасу.

– Спасибо. Я уже слышала это дюжину раз за сегодняшнее утро. – Она выпрямилась и спустила ноги со стола. – Не хотелось бы вас огорчать, агент, но сомневаюсь, что вам удастся поговорить с Дэнни. Родители уже нашли первоклассного адвоката, который никого к мальчику не подпускает. Дэнни дважды признался в убийстве и был обнаружен на месте преступления с оружием в руках, но виновным себя не признает.

– А как по-вашему, он виновен?

– Думаю, у меня на руках нелегкое дело.

– Довольно осторожный ответ.

Рейни свирепо улыбнулась.

– Мне, может быть, и недостает опыта, спецагент Куинси, но я быстро учусь.

– Понятно, – немного растерянно сказал он. Рейни показалось, что Куинси еще не определился с тем, как воспринимать ее и как с ней обращаться. Мысль эта доставила ей удовольствие. До чего ж приятно ставить федералов в тупик! Может так случиться, что больше ей сегодня и похвастать будет нечем.

Не успела она, однако, порадоваться успеху, как фэбээровец перешел в атаку.

– Не думаю, что в школе стрелял Дэниел О'Грейди, – спокойно сказал он. – И не думаю, что вы в этом уверены. Вероятно, мы оба все еще задаемся вопросом, что же случилось вчера на самом деле. А главное, как нам это доказать.

Глава 9

Среда, 16 мая, 11:43

Рейни повезла Куинси в школу.

Агент сидел на пассажирском сиденье и смотрел в окно, как могло показаться со стороны, с недоверчивым удивлением. Он не был в Орегоне несколько лет и уже забыл, как здесь красиво. Они ехали между зелеными холмистыми лугами, густо усыпанными черными и белыми точками буренок и увенчанными красными домиками с букетиками желтых анютиных глазок. В воздухе ощущался запах свежескошенной травы с соленым привкусом океана. Долину окружали высокие горы с густыми шапками лжетсуги.

Мимо, ревя могучими восьмицилиндровыми двигателями, проносились грузовики. Водители махали Рейни, а с полдюжины черных лабрадоров, высунувшись из окна, приветствовали ее радостным лаем. На подъеме несколько машин сбросили газ, выстроившись за ползущим наверх трактором «Джон Дир». Никто не сигналил сидевшему в кабине престарелому фермеру, никто не кричал ему освободить дорогу. Люди просто ждали, когда смогут проехать, а старик в ответ с благодарностью прикладывал два пальца к козырьку выцветшей красной бейсболки.

– Это Майк Берри, – сказала Рейни, объехав наконец зеленый трактор и впервые с тех пор, как они сели в патрульную машину, нарушив молчание. – У них с братом две самые большие молочные фермы в здешних краях. В прошлом году они выкупили три семейные фермы, серьезно пострадавшие от наводнений. Одна принадлежала Карлу Симмонсу – ему уже шестьдесят, и никого из родственников не осталось. Майк организовал для него пожизненный траст, так что Карл может жить в собственном доме до самой смерти и ни о чем не беспокоиться. Братья Берри – хорошие люди.

– Не думаю, что таких мест осталось много, – заметил Куинси.

Рейни повернулась и посмотрела на него.

– Вы правы, не осталось.

Больше фэбээровец ее не отвлекал. Настроение Рейни поменялось на задумчивое, да и его самого, сказать по правде, на разговоры не тянуло. Одно дело рассуждать об объективности и профессионализме, и совсем другое, глядя на живописные красоты пейзажа, размышлять о кровавой трагедии, разыгравшейся на этом фоне в восьмилетней школе. Пока что лишь немногое из увиденного в Бейкерсвиле соответствовало его ожиданиям.

Это относилось и к Лоррейн Коннер. Даже не принимая во внимание устоявшееся мнение о провинциальных полицейских, большинство женщин, которых он встречал в правоохранительных органах, не отличались изяществом и грацией, были широкоплечи, кряжисты и, что скрывать, мужеподобны. Лоррейн Коннер не соответствовала этому образцу ни по каким параметрам. При росте в пять футов и шесть дюймов она выглядела подтянутой и обладала очень даже соблазнительной фигурой с приятными изгибами и выпуклостями в нужных местах. Длинные каштановые волосы обрамляли на удивление привлекательное лицо с широкими скулами, твердым подбородком и полными губами.

И еще глаза. Не голубые, не серые, а где-то между. Цвет их, как представлялось Куинси, менялся вместе с настроением, переходя от мягкого, как фланель, когда она уходила в какие-то свои мысли, к колючему, как лед, когда гневалась. Интересно, какими они бывают, когда она ведет любовную игру? Смотрит ли она при этом чуточку исподлобья, слегка склонив голову? Раскрывает ли губы в ожидании поцелуя?

Пирс неловко заерзал на сиденье и отогнал лезущие в голову неуместные образы. Такого рода мысли в отношении полицейской были ему несвойственны. Работа есть работа, и только. Тем более в наши дни.

Куинси перенес анализ на профессиональные качества Лоррейн Коннер. Неопытна, что подтверждают ее действия на месте преступления и обращение с подозреваемым. Но не глупа. Ему хватило тридцати секунд, чтобы определить ее как упрямую, сообразительную и обладающую врожденными аналитическими способностями особу. Он уже понял, что она служит своему городу не за страх, а за совесть и временами бывает непомерна горда. Скорее всего, живет одной работой, друзей и посторонних интересов мало. Профиль единственного ребенка женщины-алкоголички вырисовывался довольно определенно. Лоррейн Коннер могла пойти одной из двух дорог: стать пьянчужкой-неудачницей или трудоголиком. Поскольку первой она явно не была, оставался второй вариант. Впрочем, у нее еще оставался шанс доказать, что он ошибается.

В общем, его ожидания не оправдались. Возможно, ошибся в своих расчетах и детектив Эйб Сандерс, из-за чего эти двое и стали бодаться. При всем уважении к местной службе шерифа полицейские таких маленьких городков, как Бейкерсвиль, обладая хорошими человеческими качествами, не отличаются выдающимися профессиональными достоинствами. Как говорится, на рождественской елке они не самые яркие лампочки. Зарабатывают примерно двадцать тысяч в год. Дела расследуют самые заурядные. Попадая в колею обыденности, чувствуют себя хозяевами своих крохотных владений, а аналитические способности, если и присутствуют изначально, атрофируются в регулярных пятничных патрулированиях футбольных матчей.

Конечно, сам Куинси – самоуверенный федеральный агент – получал еще и за то, чтобы смотреть сверху вниз на представителей всех прочих органов правопорядка, и в особенности на интеллектуальных карликов из БАТО.

Рейни свернула с проселка, и сельские пейзажи сменились городскими. Через несколько минут впереди показалось неуклюже расползшееся белое здание школы. Парковочную площадку опоясывала желтая оградительная лента, а проволочное ограждение прогибалось под тяжестью сложенных с внешней стороны букетов.

Машина остановилась.

– Вы ведь сегодня здесь еще не были? – негромко спросил Куинси.

Рейни покачала головой. Взгляд ее застыл на кучках цветов, воздушных шариков и мягких игрушек, растянувшихся вдоль забора на добрых десять фунтов. Розовые и голубые ленточки и крошечные крестики. Самодельные открытки с надписями «Мы любим вас, миссис Авалон». Сложенное из красных гвоздик большое сердце – «Моей дочери».

Глаза Рейни предательски блеснули. Она громко шмыгнула носом, изо всех сил сдерживая подступившие слезы. Куинси отвернулся к самодельному мемориалу.

– Удивительная вещь. С одной стороны, эти случаи настолько трагичны, что вызывают страх за будущее человечества. Что же это за общество, которое растит детей, убивающих других детей из автоматического оружия? С другой стороны, эти случаи настолько трагичны, что пробуждают в нас человечность. Мы видим проявления смелости у санитаров, отважно входящих в опасную зону, и учителей, с риском для жизни встающих на пути стрелка. У брата, собственным телом защищающего сестру, и матери, оказывающей первую помощь чужому ребенку с надеждой, что ее сыну поможет кто-то другой. Трагедия находит отклик по всему миру, задевает в людях какой-то нерв, и они чувствуют потребность отозваться – послать цветы, стихи, свечи, так или иначе дать знать далеким незнакомцам, что они не одни… Бейкерсвиль в их мыслях и их молитвах.

Рейни вытерла уголок глаза, поморгала.

– Да. – Она откашлялась. – Когда сообщили, что больнице требуется кровь для переливания, в «Лосях» сразу предоставили помещение для Красного Креста. И очередь желающих вытянулась на четыре квартала. Из бакалейного прислали бесплатный лимонад. Две старушки отдали в распоряжение детей свои игровые площадки. Люди стояли по два-три часа и не жаловались. Все говорили, что это самое меньшее, что они могут сделать. «Бейкерсвиль геральд» написал об этом сегодня на первой полосе. А сообщению о стрельбе отвел нижний уголок. Наверное, не все согласны с такой расстановкой приоритетов, но, по-моему, в этом что-то есть.

– Стреляет кто-то один, а последствия чувствует весь город.

– Что-то вроде этого. – Рейни отстегнула ремень. – Если не возражаете, мне бы хотелось закончить. Вчера я там бóльшую часть дня провела, и сегодня продолжать не хочется. Я не профайлер, а в школе много такого, на что смотреть больно.

Куинси последовал за ней в школу. Он уже достал блокнот и переключился в рабочий режим.

Еще раньше, в офисе, Коннер согласилась провести его по месту преступления и, может быть, внести какие-то дополнения в свои записи. Пирс не стал говорить, что они работают вместе, а Рейни не стала делиться сомнениями в виновности Дэнни. При таком варианте он мог проходить и как наблюдатель, и как эксперт. Когда Куинси попытался объявить, что забирает дело себе, она откровенно сказала, что сохраняет за собой право переломать ему при необходимости ноги. И при этом вполне серьезно посмотрела на его коленные чашечки.

У него сложилось впечатление, что благодушия и тактичности в отношении других от полицейской Коннер ждать не приходится. Странно, но ему это даже понравилось.

Они прошли по пустому коридору в заднюю часть здания. Куинси отметил пыль на полах – порошок для снятия отпечатков пальцев – и темные прямоугольники там, где эксперты вырезали плитки со следами крови для отправки их в лабораторию.

По словам Рейни, эксперты-криминалисты закончили свою работу на месте преступления к утру. Ожидалось, что школу еще не раз посетит оперативная группа, которая попытается восстановить полную последовательность событий трагического дня. Несколько месяцев уйдет на тщательную сортировку вещественных доказательств. В здании такого размера, как школа, экспертам придется разбираться с сотнями следов обуви и тысячами отпечатков пальцев. Скорее всего, журнал осмотра места преступления разрастется до шести или семи томов.

– Вот здесь Уолт и Эмери оказывали помощь раненому Брэдли Брауну, – сказала Рейни, указывая на залитый кровью участок на пересечении двух коридоров, и выжидающе посмотрела на Куинси.

– Браун был в сознании?

– Да. Я спросила, видел ли он что-нибудь, – Браун ответил отрицательно. Услышал выстрелы, пробежал по коридору, повернул направо и получил пулю.

Куинси повернул направо, туда, где картина насилия воплотилась в очертания трех тел.

– Все произошло там?

– Мы так думаем.

– В коридоре, не в классе.

– Верно.

– Как Дэнни оказался в коридоре?

– По словам его учителя, Дэнни не вернулся в класс после ленча. Мистер Уотсон заметил его отсутствие, но Дэнни почти никогда не опаздывал, и он решил, что, наверное, мальчик не вернулся по какой-то уважительной причине.

– Во сколько это было?

– В школе установлено три перерыва на ленч. У Дэнни ленч на последнем, который заканчивается в двадцать минут второго. Учащимся дается пять минут, чтобы вернуться в класс. Сигнал к возобновлению занятий – звонок в тринадцать двадцать пять. В тринадцать двадцать пять Дэнни в классе не было. В тринадцать тридцать пять диспетчер принял звонок – в школе стреляют.

– Итак, урок Дэнни пропустил. А девочки? Почему они оказались в коридоре?

– Элис попросилась в туалет. Салли – ее подружка. В третьем классе дети ходят парами. Учительница их отпустила.

– А третья жертва? Мелисса Авалон? Она была одна в компьютерном кабинете?

– Да. У нее в это время перерыв на ленч. Кабинет открыт для учащихся на время перерыва, а потом по звонку в тринадцать двадцать она его закрывает.

– И такой порядок закреплен расписанием? В тринадцать двадцать она всегда остается в кабинете одна?

Рейни кивнула. Она уже поймала его мысль и легко следовала за ней.

– Похоже на то, что целью была она, да? Салли и Элис просто не повезло – оказались не там, где надо.

– На данный момент представляется именно так, но давайте не будем забегать вперед. – Куинси подошел к каморке сторожа и поднял бровь. – Похоже, ваш напарник, Каннингэм, – парень крепкий, – пробормотал он.

– Да уж, постарался. – Рейни состроила гримасу. – Ситуация была напряженная.

– И в этой каморке пряталась Бекки О'Грейди?

– Да, в самой глубине. Сидела, съежившись в комочек. Девочка была, похоже, в шоке и на вопросы не отвечала. Потом Сэнди отвезла Бекки в кабинет неотложной помощи, но врач сказал, что ей еще потребуется какое-то время, чтобы прийти в себя.

– Думаете, она видела, что случилось?

– Не знаю. Люк разговаривал сегодня утром с ее учительницей. Миссис Лунд говорит, что Бекки находилась в классе до начала стрельбы и что она, вероятно, отстала от остальных, когда все побежали к выходу. Что Бекки нет, миссис Лунд поняла только минут через тридцать или сорок.

– Итак, перед нами два вопроса. – Куинси загнул два пальца. – Первый – что случилось с Дэнни О'Грейди между окончанием ленча, в тринадцать двадцать, и… когда вы столкнулись с ним в…

– В четырнадцать сорок пять, где-то так.

– Более часа. И никто ничего не знает, – нахмурился Куинси.

Рейни невесело усмехнулась:

– Ну, не совсем так. Какое-то время с ним был Шеп. Он утверждает, что подъехал к школе примерно без четверти два. Учеников уже вывели из здания. Он вошел в школу – хотел помочь – и наткнулся на сына, растерянного, ошеломленного, поднимавшего с пола оружие.

– Поднимавшего с пола оружие? Вот как? Мне это нравится. Получается, мальчик просто наткнулся на револьвер и пистолет?

– Шепу вы тоже не верите, да?

– Не самый объективный свидетель. Но я пока остаюсь при том же мнении: мы не знаем, что делал Дэнни между часом двадцатью и двумя сорока пятью. Следующий вопрос: что случилось с Бекки О'Грейди между часом тридцатью пятью и часом пятьюдесятью. – Куинси снова нахмурился. – Мне не очень нравится, что двумя учащимися, действия которых нам неизвестны, оказались брат и сестра. И я не верю в совпадения.

– Вы же не думаете, что Бекки каким-то образом участвовала в этом? – Рейни недоверчиво покачала головой. – Да ведь ей же всего восемь!

– С нею кто-нибудь разговаривал?

– Люк Хейз и Том Доусон попытаются задать ей несколько вопросов вечером, но я бы не стала ожидать многого. Шеп и Сэнди настроены очень враждебно, а мы не можем поговорить с ней без родителей. Сомневаюсь, что из этого что-то выйдет.

– Вы могли бы попросить окружного прокурора вызвать ее повесткой в качестве свидетеля для дачи показаний перед большим жюри.

Рейни пожала плечами, а потом преподнесла ему небольшой сюрприз.

– Я думала об этом утром. По словам Родригеса, мы не можем принудить девочку к даче показаний. Родители просто уговорят ее отвечать на все вопросы, что она ничего не помнит. По-моему, если мы хотим добиться от нее чего-то, сыграть надо тоньше. Кто знает, может, и получится? Шеп и Сэнди, наверное, и сами хотели бы знать, что там произошло вчера на самом деле. Надеюсь, рано или поздно они позволят нам расспросить Бекки. Не исключено, что это случится уже сегодня, хотя я бы не рассчитывала.

– Вы хорошо знаете их обоих? – спросил Куинси.

– Хорошо.

Куинси кивнул, и они прошли дальше. Сама того не замечая, Рейни обхватила себя руками, как будто пытаясь отгородиться от чего-то. Наблюдая за ней, Куинси подумал, что в этой позе она выглядит моложе и трогательнее. Взгляд ее остановился на меловом контуре, обозначавшем положение тела Мелиссы Авалон. Согласно всем показаниям, мисс Авалон была красивой женщиной и заботливой учительницей, целиком отдававшейся работе.

Не говоря ни слова, они прошли по коридору к разбитым дверям. Куинси остановился перед компьютерным кабинетом.

– Дэнни вышел из этого класса?

– Да. Первым вышел Шеп. Дэнни держал его на мушке.

– Дэнни держал пистолет двадцать второго и револьвер тридцать восьмого калибра?

– Да.

– Каким он вам показался?

– Возбужденным. На взводе. – Рейни нахмурила брови, предвидя следующий вопрос. – И он был явно враждебен по отношению к отцу.

– Конечно, если держал его на мушке…

Она покачала головой:

– Дело не только в этом. Шеп говорил ему, что все будет хорошо, а потом попытался сказать, чтобы он не разговаривал со мной. Но все это звучало как приказ, и Дэнни только еще больше закрывался. Похоже, они сильно поцапались. Шеп держит сына в ежовых рукавицах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.